



ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА

# ЛИЧНЫЙ ВРАГ БОНАПАРТА

О.И. Елисеева



Во славу Отечества

Ольга Елисеева

# **Личный враг Бонапарта**

«ВЕЧЕ»

2015

**Елисеева О. И.**

Личный враг Бонапарта / О. И. Елисеева — «ВЕЧЕ», 2015 — (Во славу Отечества)

ISBN 978-5-4444-2084-3

1807 год. Только что бесславно закончилась очередная военная кампания против «неистового корсиканца». Подписан позорный Тильзитский мир. Молодой, но уже заметно отличившийся в сражениях полковник Александр Бенкендорф назначен в состав русского посольства в Париже. И вдруг скандал: похищена известная трагическая актриса, мадемуазель Жорж. Бенкендорф тайно вывозит ее из Франции в Россию. Что это? Романтическая связь или дипломатическая интрига? Как отреагируют на случившееся русский император Александр I и его заклятый враг Наполеон? Может ли миссия француженки в России остановить надвигающееся столкновение могучих противников? Новый захватывающий роман от известной писательницы и историка Ольги Елисеевой, созданный на основе мемуаров самого грозного шефа жандармов!

ISBN 978-5-4444-2084-3

© Елисеева О. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

## Содержание

Пролог	6
Глава 1. Minne[5]	17
Глава 2. «Le petite princes»	29
Глава 3. Маленькие радости	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

# **Ольга Елисеева**

## **Личный враг Бонапарта**

© Елисеева О. И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

\* \* \*

## Пролог

*Ноябрь 1812 г. Смоленская губерния.<sup>1</sup>*

Генерал-майор Бенкендорф обхватил подушку, подмял под себя и больше ничего не чувствовал. Спал он долго и крепко, как не случалось уже года два. И проснулся не потому, что кто-то тряс его за плечо или ухо одеревенело от лежания на седле. А потому что выспался.

Что уже само по себе вызывало подозрения.

Александр Христофорович покрутил головой во все стороны и ничего, кроме пристойной обстановки помещичьей спальни, не обнаружил.

Солнце стояло высоко, но не било в глаза, приглушенное цветными пятнами штор. У сна на улице свое преимущество – он уходит с росой. Зуб на зуб не попадает. Лошади под влажными, седыми попонами начинают всхрапывать и переступать с ноги на ногу. Тут и господа-вояки волей-неволей покидают лапник, сквозь который мать-сыра-земля сосет кости.

Проснуться же в чужой кровати – дело обычное. И если не в трактире, не в бардаке, не в крестьянской халупе – вдвойне приятное. Правда, генерал, хоть убей, не помнил, как сюда попал. Голову ломило, во рту нагадили полковые лошади. Значит, пил. И не шампанское. А местную «вутку, зробрёну в ночи», как говорят поляки.

Досадно! Будто вчерашний день корова языком слизала!

А между тем местечко – *charmant*! Ну просто *charmant*! От чистых простыней едва уловимо пахнет морозом и мятой. Сушили на улице прошлой зимой, а потом хранили в сундуке, щедро пересыпав травой, как делают хорошие хозяйки. И теперь достали для гостя – лучшее, не то, что на каждый день.

Александр Христофорович покосился влево. Рядом с ним в пуховых облаках почивало такое небесное создание, что впору было протирать глаза.

«Я умер, – заключил генерал, – и попал в рай. Мусульманский». Там, говорят, гурии улаживают праведников. Праведником он не был. Мусульманином тоже.

Бенкендорф осторожно приподнял край одеяла и оценил совершенство форм незнакомки. «Точно умер. Потому так тепло и тихо. Отучился раб Божий Александр. Ну и слава те, Господи!»

Женщина потянулась и подсунула под щеку кулачок. На ее юном, разгоревшемся от сна лице были написаны детская простота и бестревожность. Словно страшные времена пожаров и побоищ обходили дом стороной. Таких лиц генерал не видел давно. Да и видел ли?

Она не могла оказаться обозной мастерицей ночных баталий. Маркитанткой или, того хуже, француженкой, подобранной в лесу для утех и называвшей себя вдовой офицера Великой Армии. Только не это!

Бенкендорф опасливо взял сонную руку незнакомки: на безымянном пальце поблескивал перстень с плоским бриллиантом в тусклом белом золоте. И камень, и оправа – старые, сто лет не полированные мастером. Но настоящие. А сама рука... На подушечках большого, указательного и среднего пальцев едва приметные мозоли. Прядет.

---

<sup>1</sup> **Отступление** Наполеона из России охватывало октябрь, ноябрь и декабрь 1812 г. 7 октября Наполеон принял решение покинуть разоренную Москву. Он хотел двигаться на юг, в плодородные и богатые съестными припасами губернии. Но М. И. Кутузов вынудил его отступать по старой разоренной Смоленской дороге, которая охранялась оставленными французскими гарнизонами. Русская армия вела параллельное преследование противника. От недостатка провианта и холода страдали обе стороны. 14 ноября Наполеон ушел из Смоленска, отход его армии, уже превратившейся в нестройные толпы мародеров, прикрывал в арьергарде корпус маршала М. Нея, на которого Бонапарт вскоре оставил и всю армию. 15–18 ноября в результате столкновений под селом Красным французы сумели прорваться, потеряв много солдат и большую часть артиллерии. 21 ноября Наполеону удалось переправиться через реку Березину, потеряв 30 тыс. чел. На другой берег вышло только 9 тыс. 6 декабря Наполеон бросил остатки армии и усакал в Париж. 14 декабря в Ковно 1600 человек – все, что осталось от Великой Армии – сумели переправиться через Неман в герцогство Варшавское.

Александр Христофорович вздохнул с облегчением. Он жив. Баба взаправдашняя. И чертовски мила!

Слово не подходило. Ему вновь представилось, что он в зачарованном замке. Как рыцарь Галахад. Но тот на пути к Граалю был чист и отверг ласки хитрых монахинь. А генерал с порога пал жертвой собственного распутства. И какого! На льняных простынях с брабантским кружевом! Девице лет семнадцать...

Тут Бенкендорф похолодел, вспомнив, что последняя дурная болезнь мучила его в Витебске. Война. Чистых женщин нет. Хочешь предохраниться – живи с кобылой. А если осмеливаешься, то знай: половина армии прошла до тебя, половина пройдет после. Так сказать, братство по оружию.

От сердца отлегло. Там же, в Витебске, полковой хирург констатировал и полное излечение. Правда, не обнадежил на счет ревматизма в ногах и общей слабости. Но тут, как на собаке!

Бенкендорф не любил малолеток. Много возни и никакого удовольствия. Стараться для себя – другое дело. Но на марше, на одну ночь... Не хотелось думать, будто невинное создание лишилось девства в результате его ночного натиска. Он осторожно провел ладонью по холсту. Потом осмотрел собственный живот и ноги. Чисто.

За окном раздался громкий голос Сержа Волконского. Ротмистр сзывал улан поить лошадей. Забрякало. Загремело. Заходило. Зацокало.

Неуемный!

Женщина чуть вздрогнула. Ее лицо еще во сне стало сосредоточенным и потухшим. Глаза распахнулись. И в тот же миг пропало ощущение юности. «Двадцать три – двадцать четыре», – успокоился генерал. На него глядели темно и настороженно. Потом узнали. Благодарная улыбка тронула губы. Рука легла на руку. Спасибо! Так тепло, понимающе, как он бы и не припомнил, когда с ним говорили.

– Мама! Мама! Где мама?!

На первом этаже, буквально под ними, проснулись дети. Хныкали, отказывались одеваться. Требовали благословения и утренней молитвы, чтобы непременно читала мать. Нянька сердилась. Девчонки плакали.

– Это голодные дядьки с лошадьми! Они куда-то увели маму!

– Они ее съели! Они и нас съедят!

Женщина накинула громадную шаль, закрывшую ее от шеи до пяток. Пробормотала что-то извинительное по-французски. И исчезла за дверью. Послышались ее торопливые шаги на лестнице.

Александр Христофорович беспомощно оглянулся в поисках собственной формы. На краю постели, у подушек, он заметил старый мужской шлафрок, кое-где дырявый, с вылезшей сквозь прорехи в атласе ватой. На венском стуле подле кровати висели и его вещи. Аккуратно, без складок и помятостей. Не сам бросил.

– Мои котэки! Мои каханные цветики! – послышался голос снизу. Она сплетала русские слова с польскими. – Разве можно так огорчать няню? Марыся, что вы стоите столбом? Чулочки согрели на печи? Не бойтесь, эти дядя – фуражиры. Возьмут сено и уйдут.

Фуражиры. Тут он все вспомнил.

\* \* \*

Поместье Мокрое располагалось недалеко от деревни Воглы. Бенкендорф хорошо помнил эти места еще по отступлению. Низина. Бор. Стоячая вода. Кое-где добрый сосняк на белых песках, клиньями врезавшихся в пажити. Сейчас каждая иголлка грозила оборваться холодной каплей подтаявшего льда. А тогда жар, точно из печки. Все горит. Бывало страшно смотреть на артиллеристов, которые вкатывали пушки на лесные дороги, когда справа

и слева деревья занимались живыми факелами. Упряжные лошади шарахались. А люди шли. И как шли – поспешали.

Теперь сугробы, оплывшие с оттепелью. Ломкая корочка наста. Как-то будем переправляться? Встал лед, нет? Но хуже всего – бескормица. Падеж. Люди терпят, кони мрут. В Смоленской губернии, разоренной дважды, негде взять даже вороньих яиц. Только безалаберный Бенкендорф мог предположить, что фуражиры дадут сено! Солома, и та съедена. Мужиками, не буренками.

– Покажите мне хоть в одной деревне кошку, – потребовал генерал Винценгероде. – Тогда, Александр Христофорович, я пошлю лично вас на фуражировку.

Летучий отряд<sup>2</sup> шел по пустому селу. Створки открытых ворот покачивал ветер, петли скрипели. Из темноты хлевов и сараев не глядела ни одна пара глаз. Генерал спрыгнул с коня, долго плутал по задворкам. Черные печи тыкали в небо указательными пальцами труб: мол, там ищи и животину, и хозяев. Наконец в зеве одной из них Бенкендорф услышал поскребывание и замер.

Он боялся печей после того, как в чреве одной из них нашли целое семейство, – грелись на остатках золы, да так и умерли от голода.

– Разнежились, вишь ты, в тепле, – рассуждал унтер Потапыч, вынимая несчастных по одному. – Заснули, да и отошли. Детки. Что возьмешь? Кабы мать. Да ее, видать, Бог раньше прибрал.

Мал мала меньше. Восемь тел лежали на снегу. Уланы снесли их к остаткам церкви и забросали горелыми досками. Кто придет, может, похоронит. Все же святое место. Дольше задерживаться они не могли.

Теперь в печи скреблись и попискивали. Александр Христофорович не без опаски положил руку на стоявшую рядом заслонку. По уставу перчатки должны быть белыми. Ха! Палкой пошерудил в золе. На снег к его ногам попадали голые комочки. Раз, два... шесть. Чья-то Мурка окотилась и сдохла, не успев даже вылизать помет.

Бенкендорф сапогом разгреб копошащийся выводок. Эти уже не жилыцы. А этот, лысый, почему без глаза? Кот Потемкин-Таврический. Берем.

– Вот, ваше высокопревосходительство, имею честь представить кошку. Продолжаю настаивать, что усиленный поиск в окрестностях может дать фураж.

Винценгероде чуть с лошади не упал, даром что личный враг Бонапарта, нарочно внесенный императором французов в длинный список тех, кто воевал против него с начала времен.

– Генерал! Ваша настырность... ваша глупость... Клянусь, если бы не личные просьбы ее величества, я бы давно попросил вас покинуть отряд!

Держи карман! Так императрица-мать тебе и позволит! Святая женщина! Всегда умела находить для воспитанника такие места, где возможность отличиться, а с ней и повышение по службе становились неизбежны для того, кому не снесло голову. Кавказ, Молдавия, Пруссия, Польша...

– Берите людей, – Винценгероде с раздражением кивнул, – делайте, что хотите. Но чтобы сено было!

Солома!

Бенкендорф отделил полсотни казаков. Пересыпал их полутора десятками улан – послушные, регулярные войска, с ними спокойнее – и поскакал в сторону от основной партии, наперерез через поле, к лесу.

Четыре сряду деревни, встреченные по дороге, были пусты. Пятая тоже. Но вот вдалеке замаячили липы – верный признак усадьбы. А на взгорье, за стеной деревьев – дом. С первого

---

<sup>2</sup> Бенкендорф командовал авангардом Летучего корпуса генерал-адъютанта барона Ф. Ф. Винценгероде – первым войсковым партизанским отрядом.



взгляда генерал определил, что крыша не провалена. Пожара не было. И стекла целы. Холодный закат полыхал в них багрово-сизым заревом.

Через заброшенный парк ехали в сумерках. Спешились у крыльца. Снег на ступенях разметан. Мимо клумб к сараям ведут две протоптанные тропки. Живут.

Бенкендорф приказал ротмистру Волконскому оставаться с людьми за деревьями – вдруг из окон начнут стрелять. А сам поднялся к дверям.

– Выходите! Мы знаем, что в доме есть люди! – Он брякнул рукояткой сабли в створки. Тишина.

– Не бойтесь! Мы не грабители!

Последнее утверждение было спорным.

– Да есть кто-нибудь?!

Ему почудилось, что с другой стороны двери что-то шуршит, едва слышно, с досадой на собственную неловкость.

– Отворяйте! Мать вашу... Свои!

Генерал отчаянно засадил носком сапога в дверь, но тут же отдернул ногу. Пальцы задеревенели, и удар отозвался в них тупой болью. Подожди, то-то еще будет, когда начнешь отогревать у печки!

– Своих теперь нет! – послышался из-за двери хриплый стариковский голос. – Говори по-русски! Только по-русски!

– Я и говорю по-русски! – озлился Бенкендорф. Он вспомнил, что в любом селении, через которое проходил, его заставляли сначала употребить крепкое словцо, а потом пускали в дом. Уж больно уланская форма походила на французскую. Вернее, на польскую во французском исполнении. А поляков здесь знали...

– Отвори, отец! Я не пшек!<sup>3</sup> – Александр Христофорович присовокупил длинную тираду, тайный смысл которой, видимо, согрел душу старика.

В замке заворочался ключ, что-то брякнуло, и двери открылись в озаренную одинокой свечой пустоту.

– Гапка, шандал! – распорядился хозяин.

Пахнуло домом, сундуком, стоячим санным воздухом. Откуда-то из глубины потянуло теплом и радостным ароматом древесного угля. В свете внесенного шандала генерал разглядел «инвалида» лет восьмидесяти, с плеч до пят покрытого войлочной попоной. В правой руке он держал ключ, в левой – пистолет.

И душа грешника не радуется так, когда святой Петр распахивает перед ней врата рая, как возрадовался генерал неопишуемому счастью вступить в живое человеческое логово.

– Что вам угодно? – без приязни осведомился старик. – У нас ничего нет. Мы просто люди.

– Да и мы не волки, – бросил Бенкендорф, переступая порог и стаскивая с рук перчатки. – Мы фуражиры. Ищем сено....

Он не договорил. Хозяин зашелся горьким, злорадным смехом.

– Фуражиры?! Какое нынче сено?

В душе Александр Христофорович должен был признать просьбу необычной, даже экстравагантной на старой Смоленской дороге.

– Я слышал о дураках! Но чтоб о таких! – Обладатель попоны положил пистолет на стол и воззрился на гостя с брезгливой жалостью. – Все сено вы же сами выгребли прошлым летом, когда улепетывали отсюда, только пятки сверкали! Бросили нас на француза, а он, нехристь, тоже сено любит. И не только сено! – Старик взвизгнул: – Убирайтесь отсюда! Нет ничего! Идите, покатайте по амбару яйцами!

---

<sup>3</sup> Уничижительное название поляков у соседних народов, как хохол, кацап, жид.

– Иван Галактионович! – Раздавшийся из темноты голос был и спокоен, и сердит одновременно. – Бога ради...

Бенкендорф сощурился. В круг света шагнула молоденькая особа в некрашеном льняном платье, крест-накрест перетянутом пуховым платком.

– Я прошу вас, господа, входите, – с бесстрашием обреченного произнесла она и уже тише, почти просительно: – Ведь вы нас не обидите?

– Как можно, мадемуазель? – Только что генерал готовился разорвать старого козла в клочья, но эта девочка одним своим присутствием объясняла и прием, и упреки: старику было что беречь, паче сена!

– Мы всего лишь ищем пропитания...

– Как все.

– И мы не осмелились бы вас побеспокоить, мадемуазель...

– Мадам. – За ее спиной из горницы вышла нянька, держа на руках двух хорошеньких девочек, укутанных шальями и напоминавших кочаны капусты.

– Елизавета Андреевна, вдова генерала Бибикова.

Гость подошел к руке.

– А это Иван Галактионович, старый сослуживец и друг моего отца, наш управляющий, – при сих словах грозный воитель в попоне поклонился хозяйке, но не гостям. – Надеюсь, вы извините его горячность, он здесь один – наша опора.

– А ваши крестьяне?

Бенкендорф отступил, пропуская в сени своих замерзших товарищей.

– Француз побрал, – нехотя отозвался старик, тоже отходя, чтобы дать место набившимся в тепло уланам. – А кто сам разбежался по лесам. Так что сена у нас нет.

– Да есть же сено, – досадливо упрекнула его госпожа. – Одной Фросе всего не съесть. У нас осталась корова, – пояснила она. – И мы, и дети ею живы.

– Простите нас, мадам, – с чувством проговорил генерал. – Мы заплатим...

– Возьмите так, – покачала головой госпожа Бибикова. – Ведь у вас квитанции, не деньги на руках. Куда Иван Галактионович поедет? Где будет искать ваши штабы? Да и дадут ли ему серебром? Ведь нынче бумага ничего не стоит.

– Барыня-матушка! Самим есть нечего! – возопил старик, готовясь рухнуть к ее ногам.

– Разве вы сено едите? – безучастно промолвила хозяйка. – Мне страшно думать, что вот так и Павел Гаврилович, быть может, у кого-то просил хлеба и крова.

– Я не знал, что генерал Бибиков скончался, – просипел под руку Серж Волконский.

Бенкендорф сердито закашлял: мол, не лезь в разговор, и без тебя непонятно, куда выгребем.

– Под Вильно. Нам прислали бумагу, – заученно ровным голосом произнесла вдова. – Входите, господа, в горницу. Сделайте честь, прошу вас.

Брякая шпорами и задевая за пороги, уланы пошли в дом. Гапка, рябая расторопная толстуха, кинулась скатывать холщовые дорожки: наследят, порвут, истопчут!

– Размещай казаков во флигелях и службах, – распорядился генерал, бросив на ротмистра неодобрительный взгляд. Волконский уже глазами ел хозяйку. Нехотя он отступил и побрел на улицу.

– Прошу к ужину, – молодая барыня указала на стол, по углам которого похоронно горели две свечки. – Мы никого не ждали, но, если вы благоволите потерпеть, Гапа сходит в погреб. И Мырыся.

Нянька передала матери детей. Утроба помещичьего дома озарилась еще парой шандалов. Когда-то здесь было богато и весело. Изразцовая печь-леденец потрескивала изнутри, и по ее муравленым лоснящимся бокам бежали теплые летние тени.

Явились домашние закуски: телячья нога, капуста с клюквой, огурцы в смородиновых листьях и томленая гречневая каша. Иван Галактионович очень неодобрительно смотрел на все это богатство. Но слугам, детям и самой хозяйке, кажется, нравилось принимать гостей. Молодых мужчин с пристойными манерами, людей ее круга, которых можно было не бояться и следовало хорошо накормить.

Гапка пошептала что-то на ухо госпоже и под согласный кивок помчалась на кухню. Минут через десять она вернулась с полной сковородой шкварок, которые по всей Смоленщине отчего-то назывались «шведами». Их выливали на кашу, глядя, как сало и жареный лук затапливают разваренную крупу.

– Жаль, господа, что вы не видели этот дом в лучшие времена, – сказала хозяйка. – Батюшка любил гостей и никогда не простил бы мне, если бы я ударила в грязь лицом.

– Лучшие времена скоро настанут! – провозгласил Серж Волконский, поднимая бокал с липцем. Здешнее чудо винокурения – медовый, шипучий, сладкий... Пьется легко, голова ясная, пока не наступает светопреставление.

– Папа всегда доставал сервиз, – улыбнулась хозяйка. – Но, вздумай мы последовать его примеру, и, боюсь, вы не отужинали бы до утра.

Все засмеялись.

– Мадам, мы бы не смогли любоваться сервизом, сидя за одним столом с вами, – заявил галантный Бенкендорф.

– Сервиз серебряный, – забубнил Иван Галактионович, явившийся к столу уже без попоны. На его синем сюртуке как бы между прочим поблескивал белой эмалью Георгий 3-й степени. – Пожалован его сиятельству матушкой-государыней Екатериной Алексеевной за дело при Козлуджи. Вот были времена! – Управляющий бросил укоризненный взгляд на господ офицеров. – Вот были люди! Не бежали от неприятеля. Не бросали сирот на басурманскую милость!

– Иван Галактионович, – одернула его хозяйка. – Нынче радость. В Смоленске все колокола звонят.

– Привалило счастья – на мосту с чашкой! – огрызнулся управитель. – Могут хоть все веревки оборвать! Их не звоном, а розгами встречать надо, – и, обернувшись к офицерам, спросил: – Мало каши ели? Теперь поешьте в доме вдовы, а она не сегодня-завтра пойдет просить милостыню. Да людям подать нечего. Вот ваша заслуга! И нет тут никакой радости!

Александр Христофорович чувствовал, что у него горят щеки.

– Прости, отец, – он положил руки на скатерть и тут же спрятал их, стыдясь поломанных грязных ногтей. – Правду говоришь. Но что же нам теперь не жить?

– А и не жить! – старый управитель подскочил на месте. – Мы, бывало, друг перед другом с одними шпагами на крепостные стены лезли. А вы? Выучили вас по-французски балакать, так, видать, вся храбрость через учение вышла. Кинули нас на грабеж и поругание. А теперь вам весело, что живы остались!

Иван Галактионович сорвал с шеи салфетку, швырнул ее на стол и, гневно шаркая ногами, удалился.

Повисла пауза.

– Простите его, господа, – хозяйка тоже встала. – Он весь измаялся. Один тут на пять баб. У него руки трясутся. Он уже не может порох насыпать пистолету на полку. Так мы ему заряжаем и подаем, – она заплакала.

– Вам надо уехать, – Бенкендорф подошел к ней. Ему очень хотелось обнять и успокоить эту девочку, но он осмелился только опустить ладони на спинку ее кресла. – Родня в Смоленске есть?

Елизавета Андреевна покачала головой.

– А дом?

– Был. Неужели неприятель все еще...

– Нет, – генерал не стал врать. – Ваш управляющий прав. Своих теперь нет. Я уведу казаков моего отряда. Но могут прийти чужие. А казаки...

– ...разбойники, – выдохнула госпожа Бибикова сквозь слезы и почему-то заулыбалась собственной понятливости.

Только теперь Бенкендорф рассмотрел ее хорошенько. Темные волосы собраны в пучок. Длинные пряди выбились и лежат вдоль щек. Сколько к ним не прикасались щипцы? А душистые французские эссенции? Но так даже лучше. Не по-салонному. На домашний лад. Сразу видно: она и танцует мазурку, и поет арии, но сейчас квасит капусту и сама кормит младшую девочку грудью.

Какая грудь! Боже, какая грудь! Не беда, что укутана шалью. Генерал вмиг дорисовал скрытые совершенства. Вот лицо... Он никак не мог сосредоточиться на лице. Слишком девичье. Простое. Тонкое-тонкое. Все, вплоть до кожи. В хорошие времена оно светилось, как пасхальное яичко. Теперь – синюшное. Битый цыпленок да и только!

И все-таки она ему приглянулась. Чем? Бенкендорф и сам бы не сказал. Памятью былого и прочного? Надеждой на будущую радость? Первое прошло. А второе сбудется ли? Ах нет. Такие лица не на каждый день! Волконский не зря все глаза проглядел.

Паршивец! Белый мавр!

Они были друзья-соперники. Хорошо, не дрались. Если даме нравился Серж, то она уже не смотрела на Бенкендорфа. И наоборот. Порой становилось обидно: почему не я? Но сейчас вдова, переводя настороженный взгляд с одного на другого, уперлась глазами в Александра Христофоровича.

Вот тебе, губошлеп! Вот тебе, кучерявый! Серж был экзотическим красавцем. Бенкендорф – просто бабником. Ноги длинные, рожа мятая. Но он не променял бы своей несуразной внешности ни на чеканный профиль, ни на туманный взгляд товарища. На Волконского дамы вешались гроздьями, и тот обленился. А Шурка был способен одним мизинцем доставить любовнице больше удовольствий, чем Серж всеми членами.

Недаром госпожа Бибикова зацепилась темными оленьими глазами именно за его примечательную физиономию. Она смотрела уж как-то очень внимательно. И с каждой секундой все более удивленно. Кругом говорили. Шумели. Стучали серебряными стопками. Но их двоих это не касалось. Елизавета Андреевна потупилась и подавила улыбку. Бенкендорфу дали понять. Он почувствовал себя обязанным.

Ужин подходил к концу. Изрядное количество липца сгладило впечатление от выходки управляющего. Горькую правду нужно запивать сладкими наливками. В какой-то момент хозяйка извинилась и, оставив гостей, уже чувствовавших стеснение от присутствия порядочной дамы, пошла укладывать дочерей.

Товарищи Бенкендорфа загомонили сами, как малые дети. Куда-то исчезал Серж Волконский и вернулся с таким лицом, будто хлопнул стакан касторки.

«Отлил против ветра, – сказал себе генерал. – Ну и мне не грех». Он грузно поднялся, чувствуя лицец в ногах, и отправился на улицу.

Здесь обнаружилось, что Бенкендорф переоценил свои силы. Мнилось, он дойдет до каретного сарая. Вместо этого Александр Христофорович сел в снег еще на ступенях, обхватил руками голову гипсового льва и закемарил. Холод его несколько отрезвил. Генерал встряхнулся, благополучно обогнул дом и нацелился на угол.

Облегчение делает человека счастливым. Он готов был обнять весь мир. Вместо этого встряхнул руками, повозил ими по снегу, зачерпнул целую пригоршню белого колючего крошева и растер лицо. Взгляд прояснился. Во всяком случае, окна перестали двоиться, и генерал понял, что слабый свет горит только в одном. Дальнем, у западного фасада, выходящего не к парку, а на реку.

«Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом», – пробормотал Бенкендорф и зачем-то повлекся туда. Свеча в полынне окна манила его, как мотылька. «Зимний мотылек. Почти лысый», – сказал себе Александр Христофорович. Но упрямо полез по сугробам, чтобы ближе подобраться к окну.

Что он хотел увидеть? Голую госпожу Бибикову, отходящую ко сну? И в голове не было. Генерал вообще слабо понимал смысл собственных действий. Если бы он узрел кухню или Гапкину задницу на печи, то ничуть не удивился бы, а считал свое любопытство вполне удовлетворенным.

Что хотел, то и увидел. Тихую детскую спальню, освещенную лампадкой у киота. Ее света хватало ровно на то, чтобы выхватить угол большой кровати с двумя освобожденными от шалей головками. Девчонок продолжали кутать – теперь в ночные чепцы на вате. Поверх одеяла «котэков» придавливала медвежья полость, явно снятая с барских саней. «А знобко у них», – подумал Бенкендорф.

Мать сидела с уголка, напевая что-то. Он, конечно, не слышал, но по мерному качанию ее плеч и по шевелению губ понял: не сказка, колыбельная. Она держала сестренку за руки, и те клонили головки-кочаны к ней.

«Баюшки-баюшки, приходили заюшки», – разобрал Шурка по движению губ. «Сели зайки на кровать, стали маленьких качать», – договорил он уже от себя. Нянька пела, не мать. Мать не умела по-русски. Только что-то радостное, про *tannenbaum*<sup>4</sup>. Но к месту, не к месту была елка – теперь не вспомнить.

Бенкендорфу стало обидно до слез. Зима, война, голод, а у этих соплюшек мама песенки поет! Чужая семья так зачаровала взгляд генерала, что он смотрел через оттаявшее окно, не боясь быть замеченным. Ноги точно вросли в снег. Утонули, с каждой секундой проминая сугроб все глубже. Вот он уже сровнялся подбородком с подоконником. Не видит ни киота, ни женщины.

Маленькое счастье. Дунь на огонек – ничего не будет. Выйдут из лесу мародеры, лихие люди. Говорят, таких чистых Бог бережет. Вот он и «уберег» их – нет отца. Нет слуг. Одна корова. Лошадь давно съели. Но, глядя на закутанных до бровей крошек, Бенкендорф чувствовал сиротой себя. И жалко было почему-то себя.

Какая милая женщина!

Какой милый дом!

Следовало уходить. В окне мать встала, перекрестила девочек, еще раз натянула мех, подоткнула под ним одеяло. И пошла из комнаты. В ту же минуту Бенкендорф понял, что ему делать. Вернуться и идти следом. Упасть на колени, просить усыновления.

С самыми высокими намерениями генерал отправился в дом. Миновал темные сени, проскользнул мимо столовой, где все еще пировали товарищи. Вернее, немногие из них. Остальные расплзлись по углам. И тут на лестнице его охватила похоть. Мать-то – красавица! И хорошо, если бы Серж Волконский еще не успел. Но кудлатая голова Сержа в просвете двери клонила над столом.

Шаг, другой, третий. Дверь. Бенкендорф толкнул ее рукой. Не заперто. Госпожа Бибикова как будто ждала его. Стояла у стола, раскалывала волосы.

– Ваши друзья всем довольны?

Об этом ли сейчас говорить?

– Мои друзья... сами себя удовлетворяют.

– А вы?

---

<sup>4</sup> Tannenbaum – нем. Рождественская елка.

Она подняла на него темные глаза, и генерал понял: с ним не шутят. Его появление нежеланно. Хотя и неизбежно. Предсказуемо. И ей неприятно, что он пьян. А ему стыдно за себя. Но ничего уже не поделаешь.

– Я пришел... Я хотел... Вы должны...

Александр Христофорович выдохнул и больше ничего не помнил. До самого утра.

\* \* \*

Крики во дворе стали громче. Ребята нашли курицу и гонялись за ней. Бенкендорф приказал отставить.

– Вас вчера накормили на убой, дурни! – рявкнул он. – Ваша жизнь той телячьей ноги не стоит!

Генерал был уже умыт, подтянут, но все еще скорбен головой и совестью. Это надо же! Обидел женщину! Хорошо еще, если ночью обошлось без грубостей. Судя по ее доброй физиономии... Все рано стыдно!

Бенкендорф сказал себе, что уже завтра приключение не будет вгонять его в краску. А через неделю он сможет не без смешка рассказать о нем товарищам. Удачная фуражировка! Главное – даром. Все даром. И женщина тоже.

Ничего не получилось. В груди точно ворочали колом.

У коновязи топтался Серж.

– Ну как оно? – ротмистр явно дожидался подробностей.

– Божественно, – с издевкой выплюнул генерал. Но вдаваться в детали не стал. А ведь положено рассказать товарищу, чтобы не один радовался. Другим тоже не грешно, хоть представить.

– Молчать будем? Шур, а Шур, – подтолкнул его Волконский. – Как она, ну это? Шустра или томность разыгрывает?

– Хочешь знать, сам подбей клинья! – огрызнулся Бенкендорф.

– Я что, не бил? – обиделся Серж. – Отшила меня, еще когда за столом сидели. Руку на колено положил, так зыркнула... И потом еще на улице. Она к сараю ходила, взяла щепы для лучины. Так я за ней. Говорю: мадам, позвольте помочь. Руки исколите. А она выставила острую щепку и говорит: сгинь, а то рожу располосую. Вот тебе и манеры! Вот тебе и генералыша!

Бенкендорф просиял. Ему-то казалось: красавчик Серж не успел к раздаче. А того отогнали, как паршивого кобеля. Стало быть, там, наверху, ждали все-таки его. И выбор дама сделала еще за столом.

Александру Христофоровичу стало приятно. Сбивала с толку одна деталь: он по-прежнему не помнил ночных приключений.

Фуражиры загрузили сено. Надо было идти прощаться. Генерал мялся. Почему-то он робел госпожи Бибиковой. Чего обычно не случается, если проведешь у женщины ночь. Утром вся твоя. Бери – не хочется. А госпожа Бибикова... Чего он, собственно, от нее хотел?

К окну первого этажа, давя носами на стекло, прилипли два детских личика. Нянька подерживала барышень, чтобы те полюбовались на отбывающую фуражирную команду. Бенкендорф наконец собрался с духом.

– Пойду поблагодарю.

В сенях он не встретил никого. Даже Ивана Галактионовича. Что как раз было бы уместно. Зато в гостиной у рояля, покрытого белым чехлом, сидела она. Бледная, без кровинки в лице. Как вчера, очень спокойная. Чужая.

– Мадам, я еще раз хочу повторить свой совет, – запинаясь, начал генерал. – Оставьте усадьбу. Сервиз заройте в саду, по дороге ограбят. И вообще вам лучше ехать со мной. Хоть

в качестве жены. – Он выговорил эти слова буднично, как само собой разумеющееся, и заторопился. – Простите меня, если вчера был груб...

Вдова смотрела на него с нескрываемым удивлением.

– Я что-то сделал не так?

Генерал осекся.

– Нет, нет, все чудесно, – Елизавета Андреевна натянуто улыбнулась. – Вы дошли до кровати и упали. Зачем вам жена?

Бенкендорф был оглушен. Он смотрел на собеседницу не мигая, и по его лицу разливался ужас. Она готова была рассмеяться, сказать еще что-нибудь обидное. Но вместо этого взяла гостя за руку и посадила на диван.

– Утешьтесь, на первом же бивуаке вы найдете забаву и успокоите свое самолюбие, – ее осведомленность была оскорбительна. – Что до меня, – продолжала вдова, – то я не поеду в город, не стану искать покровителя и не нуждаюсь ни в чьей помощи. В нашу глушь никто не заберется. Как вы-то забрались? Только попущением Божиим.

Бенкендорф мучительно слотнул. Лучше бы она его отпустила, перестала мучить. Какой срам!

– Вы рано потеряли мать, – твердо сказала женщина, – и толком не имели семьи, поэтому вам так больно и желанно смотреть на чужую.

Откуда ей знать?

– Это видно, – Елизавета Андреевна сделала неопределенный жест, из которого следовало, что она не пророк, но у ее собеседника на лице, как на скрижалях, изображены страдания человеческие. – Вы вчера стояли под окном и глядели на нас.

Бенкендорф покраснел:

– Не подумайте чего-нибудь...

Молодая дама рассмеялась. Что еще она могла подумать?

– Вы хороший человек, – госпожа Бибикова погладила его по руке. – Но вы отчего-то не уверены, что сможете сами сделать чье-то счастье. Потому и захотели чужого. Готового. Решили, будто нас надо защищать...

Генерал разозлился:

– А давайте, мадам, я вам погадаю. Только сперва ответьте на вопрос: если я вчера был никаков, то отчего сегодня утром нашел вас у себя под боком? И за что вы мне сказали спасибо?

Вдова смутилась. На ее щеках полыхнули маки.

– Давно не были с мужчиной? И посчитали меня достаточно безопасным? Даже рубашку решились снять?

Елизавета Андреевна закрыла лицо руками.

– Простите. Мой муж часто напивался и спал вот так. Я лежала и думала, будто это он. Дышала липцем – она заплакала.

Тайный смысл шлафрока под подушкой стал понятен. Вдова спала, уткнувшись лицом в халат того, кто уже никогда не придет. Гостю сделалось ее жаль, раздражение ушло. Он начал пальцами стирать слезинки с дрожащих век.

– Все образуется. Вы молоды, красивы. Найдется человек. Может, даже лучше.

Тут Елизавета Андреевна разревелась в три ручья.

\* \* \*

Фуражирный отряд ушел на северо-запад по подтаявшим болотам. Госпожа Бибикова очень молилась, чтобы ее незваные гости добрались до места невредимы. И очень каялась в своей неуместной откровенности. За что она рассердилась на господина генерала? Уж, верно, не за лице.

Сам виновник ее терзаний на другой день нашел летучий корпус и поразил сослуживцев подводами сена.

– Бенкендорф, с вами ни в чем не зарекайся! – Винценгероде был не столько удивлен, сколько раздосадован. – Летом попрошу достать снега.

Была нужда! Александр Христофорович вообще не обратил внимания на уважительные, завистливые взгляды товарищей. Его интересовали припасы. Крупа, горох, сахар. Недавно был транспорт. Кое-что осталось. Сажать солдат на пустые щи генерал не собирался. Но у командира есть свои преимущества. Два мешка пшеницы, например.

Взяв десяток казаков, он наладился в обратный путь. И уже к вечеру второго дня был в усадьбе.

Елизавета Андреевна вышла сама.

– Я вот подумал, вам котенок не нужен? – Бенкендорф достал из чемоданной сумки свое приобретение. – Правда, у него глаза нет. Потемкиным зовут Таврическим.

– Котэк! Котэк! – запищали девчонки, норовя сверзиться с рук няньки.

– А это ему на прокорм и вам тоже.

Казаки понесли мешки в дом.

– Не надо было, – слабо отмахнулась вдова.

– Будем считать: это за фураж. Денег все равно от штабов не дождешься.

Они переминались с ноги на ногу.

– Ну я поеду...

– Простите меня! – выпалила женщина. – Я зря наговорила вам. Мне обидно стало. У кого-то жизнь и была, и будет. А я – как слепая корова в хлеву. Двух детей родила, мужа схоронила. Все. Конец. Не видела ничего. Поведут резать – солнца красного не вспомню. Позавидовала я.

– Мне? – опешил генерал.

Вдова старалась не смотреть на него.

Бенкендорф полез в сумку, на снег попадала куча полезных вещей: моток суровых ниток, шило, колода карт, связка шейных платков и, наконец, засаленная тетрадка в кожаном переплете, на который были накручены запасные чулки, – сушились так.

– Дневник. Я веду. – Он не без труда освободил тетрадь от чулочного плена. – Не бойтесь. Непристойностей не больше, чем вы себе в состоянии вообразить.

– Зачем? – Елизавета Андреевна схватила дневник обеими руками, будто тут же намеревалась читать.

– Подумайте сами, есть ли чему завидовать? – генерал уже взметнулся в седло. – Только недолго. После Березины мир объявят. Я за вами вернусь.

– Почему? – охнула она.

– Вы мне ночь должны! – уже через плечо крикнул Александр Христофорович, разворачивая коня от крыльца к аллее парка.

Елизавета Андреевна вздохнула, знаком услала няньку и побрела на кухню, где уже распорядился Иван Галактионович.

– Ну, бесстыдница, – управляющий развязывал мешки, – принимай добро. Заработала. Да не тужи, все ж от своих, не басурманское.

Бенкендорф недолго держал в голове происшествие. Уже через пару дней нашел себе смазливую маркитантку. Потом польскую швею при обозе. Потом... Да мало ли кого потом. Только когда открывал кожаную тетрадку, чтобы записать события дня, вспоминал, где находится первый том, и досадовал. Жаль. Пропадет.



## Глава 1. Minne<sup>5</sup>

*«Униженные пруссаки дрожали от ярости, вспоминая свои прежние победы, но больше всего нас удивила флегма немцев, с которой те страдали и рассуждали о своем национальном сознании».*

**А. Х. Бенкендорф**

*Февраль 1807 г. Кенигсберг.*

Кенигсберг – город на песке. И из песка. Здесь время пересыпается из ладони в ладонь и раздувается ветром. Родовое гнездо прусских владык зацепилось за плаксивое небо башнями, вгрызлось в грунт кирпичными зубами бастионов, штопало рассыпающийся мир иглами крыш.

Город без прикрас. Тут веками жили угрюмые люди, носившие добротные немаркие платья и тесавшие вместительные дубовые шкафы. Верхом излишества они считали елку, воткнутую во дворе на Рождество и украшенную темно-красными яблоками.

В эти-то неприветливые места Наполеон загнал несчастных короля и королеву, которые давно забыли, что их предки и сами больше походили на бюргеров. После виноградников Шарлоттенбурга, зеркального блеска Сан-Суси и мирного шелеста тростников на Павлиньем острове бедные монархи совсем растерялись среди голых стен и строгих улиц, на которых фонарики гасили свет задолго до полуночи.

Прусский король принял курьера безучастно. По мнению Бенкендорфа, офицер с сильной командой, остановивший грабежи и погромы, устроенные русскими мародерами – вчерашними солдатами, бежавшими из-под Эйлау<sup>6</sup>, – заслуживал, по крайней мере, благодарности.

Но Фридрих Вильгельм III смотрел на капитана студеными глазами, взгляд которых был обращен внутрь. Его длинное бледное лицо напоминало разоренную паводком землю: следы отбушевавшей смуты и полное равнодушие. Точно король все еще находился при Аустерлице<sup>7</sup> и спешил навстречу Наполеону с нелепым поздравлением. А тот, сняв перчатки, бросал в ответ: «Боюсь, ваши слова предназначались другому, но волей судеб достались мне». Как чужое письмо.

Да, как чужое письмо! Тогда император французов был щедр, и залогом мира стала Поме- рания. Бонапарт платил за передышку. Черт же дернул его, короля невеликой страны, лишенной ресурсов и простора для маневра, поддаться на уговоры и вновь присоединить свои войска к новой коалиции!

Этого черта, этого падшего ангела звали Александр. Русский друг. Августейший брат и союзник. Теперь его офицер стоял перед королем, умоляя дать разбитой армии зимние квартиры в Кенигсберге. В последнем прибежище прусской августейшей семьи! В городе, который затопили и чуть не стерли с лица земли чужие дезертиры!

---

<sup>5</sup> Возвышенная, рыцарская любовь (нем.).

<sup>6</sup> Эйлау, битва при Прейсиш-Эйлау в Восточной Пруссии между русской и французской армиями 26–27 января (7–8 февраля) 1807 г. Отличалась редкой жесточенностью и не привела к победе ни одной из сторон. Французы потеряли около 30 тыс. чел. Русские, по разным источникам, от 16 до 25 тыс. Цель Наполеона – отрезать противника от Кенигсберга и дороги в Россию – не была достигнута. Зато задача русских – остановить наступление французских войск – вполне удалась. Обе стороны объявили себя победителями, хотя командующий Л. Л. Бенигсен оставил поле боя.

<sup>7</sup> Аустерлицкое сражение, «Битва трех императоров» – сражение между объединенной русско-австрийской армией, с одной стороны, и армией французов, состоявшееся 20 ноября (2 декабря) 1805 г. на восточных землях Священной Римской империи (ныне в Чехии). Французская армия одержала сокрушительную победу над войсками союзников, которыми формально командовал М. И. Кутузов. Последний всеми силами уклонялся от сражения, но вынужден был пойти на него под давлением императора Александра I, согласившегося действовать по плану австрийского полковника Ф. Вейротера. Победа Наполеона при Аустерлице знаменовала распад 3-й коалиции его врагов.

Нет и еще раз нет! Бонапарт сумеет наказать за измену! Но поздно. Если только Александр не заступится на переговорах за бедное, разоренное королевство! А значит, нельзя перечить и Александру...

– Делайте, как сочтет удобным ваш повелитель.

Королем овладело обычное безволие. Он смотрел в окно на мокрый снег, который таял, не долетая до земли. Русский капитан настойчиво твердил что-то о размещении войск.

– Распоряжайтесь, – с тусклой улыбкой выдавил Фридрих Вильгельм. – Здесь больше не моя земля.

Это были последние слова, которые запомнил Бенкендорф. «Отчего государи родятся со свинцовой кровью?» – думал он уже в коридоре. Король даже не взглянул ему вслед. «Вот и этот немец служит где угодно, только не дома. Да и что мы стали бы с ними делать, пожелай они все вернуться? Чем платить, а главное – чем занять?»

\* \* \*

«– Что вам больше всего понравилось в Пруссии?

– Королева».

*Из разговора Фридриха Вильгельма III и Александра I*

Александр Христофорович никогда не посмел бы обидеться на августейшее лицо, но все же был покороблен подавленностью и внешним бесчувствием короля. Тот мог выразить сожаление о тысячах русских жизней, оставленных под Эйлау. Об ужасе зимней войны. О страданиях отступающих.

Бенкендорф одернул себя. С поражением союзника этот король терял все. Теперь в родовом замке ему не принадлежали даже стулья.

Капитана кто-то тронул за рукав. В пустом коридоре за его спиной стояла графиня Фосс, обер-гофмейстерина королевы Луизы, и, прижимая палец к губам, манила куда-то.

Александр Христофорович был не из тех, кому женщина должна повторять дважды. Но при словах: «Ее величество ждет вас» – он онемел, а замешательство не позволяло переспросить.

– Моя госпожа желает видеть русского курьера, – настойчиво повторила Фосс. – Это вы?

Капитан часто закивал. Он и вообразить не мог аудиенции у королевы Луизы – самой прекрасной дамы на земле!

Сколько Бенкендорф себя помнил, он постоянно был влюблен, находя то один, то другой предмет восхищения. Но Луиза... королева Луиза... нежный символ прусского патриотизма. Единственный человек в августейшей семье, осмелившийся требовать изгнания французов!

Перед ней преклонялись, ее обожали, на нее молились. Бенкендорф впервые увидел это чудо четыре года назад в Мемеле, когда в свите императора присутствовал на переговорах. Потом много судачили, что именно прелесть королевы завлекла Александра в роковой союз. Якобы тот даже заперся от нее на ночь!

Была нужда! От этой девочки? Этого подснежника? Ей и слово-то сказать было неловко! Просто государь хотел, чтобы все думали, будто его втягивают в войну. Если надежды на победу рухнут, придется оправдываться страстью, рыцарским легкомыслием, женскими чарами...

Уже тогда Бенкендорф презирал подобный образ действий, хотя еще и не понимал, что именно его раздражает. Какая-то муть поднялась в душе, когда император, вернувшись с поздней прогулки, где прусская королевская чета составляла ему компанию, демонстративно заложил дверь в спальню двумя задвижками. Она что из платья выпрыгивала? Или собиралась овладеть им сонным и слабым?

Особенно зло и грязно говорили поляки. Что понятно, но вовсе не извинительно, принимая во внимание предмет сплетен. Эта нежная робкая душа никого не обидела. Разве только назвала Бонапарта чудовищем...

Второй раз Бенкендорф увидел королеву после Аустерлица, когда русским войскам разрешено было пройти через прусские земли на родину. Луиза выезжала встречать их. Каждую колонну. Нарочно надевала зеленую амазонку с красными выпушками – армейские цвета союзников. И тем обозначала свое отношение к происходящему. Смотрела ласково и грустно. Спрашивала, хорошо ли принимают, дают ли хлеб и ночлег.

Больше она ничего сделать не могла. Но именно благодаря ее непреклонности Фридрих Вильгельм вновь оказался в коалиции. Чтобы не ссориться с женой, поссорился с Бонапартом!

– Мы пришли, – графиня Фосс толкнула дверь. – Этот переезд... Так некстати...

Комната не выглядела жилой. Вся мебель казалась сдвинута со своих мест и теснилась в центре. Только потом капитан понял, что лаковый шкаф и кресла тет-а-тет с их теплой золотистой обивкой из лионского шелка никогда не расставлялись по углам. Их просто привезли и бросили здесь в недоумении, как втиснуть эту тонконогую гнутую роскошь между старинных основательных столов, скамей и железных сундуков.

Среди хаоса стояла одинокая женская фигура. Бенкендорф узнал бы ее из тысячи. Если есть на земле женщины, о которых следует говорить стоя, то это она!

– Мой муж раздавлен неудачами, – королева шагнула навстречу курьеру. – Вы должны простить ему холодный прием. Но я, – ее голос дрогнул, – я никогда не забуду, что было сделано для нас союзниками, русскими, вашим государем...

После таких слов не стоило оставаться на ногах, и капитан преклонил колени. Луиза протянула ему руку для поцелуя. Будто лебяжье крыло легло в подставленные ладони.

– Не надо падать духом. – Как передать забытый, но поразивший тебя когда-то звук? Искренность и сила. Точно говорят не губами, не горлом, а сразу душой. Из груди в грудь.

– Вы были там. Расскажите.

– Мадам, – капитан не сразу нашелся, – никто вам этого не опишет. Такое... Так... Находятся люди, называющие это победой.

Светлые брови Луизы поднялись.

– Но почему же тогда вы отступаете?

– Можно было остаться, принять новое сражение и умереть. Люди не в силах. Бегут сотнями.

Он беспомощно развел руками.

– Я вижу.

Ни слова упрека. Ни одного колкого напоминания о мародерах. А ведь пострадали ее подданные!

– Война никому не приносит счастья. Меня она лишила короны. Ваш государь прислал письмо. Нам надо ехать на переговоры. Умолять Бонапарта о снисхождении, – губы Луизы затряслись. – Упрашивать не выгонять нас из собственного дома.

– Он не может принудить вас, – ужаснулся Бенкендорф.

– Принудить? – По лицу королевы пробежала тень. – Я должна сделать выбор сама... И я его сделала.

Смысл сказанного не сразу дошел до гостя. А когда дошел, тот едва не взвился с колен. Захотелось схватить ее величество за руки и так потряхнуть, чтобы она опомнилась. Сбросила оцепенение. Покорность.

– Я могла бы принести любую жертву. Поверьте, любую, – строго произнесла королева. – Только бы Пруссия осталась цела.

– Вы... вы не пойдете на это, – с трудом выдавил капитан. – Вся Пруссия... вся Европа будет свидетельницей...

Он осекся, понимая, что не смеет даже касаться языком подобных вещей. Но королева не слышала, охваченная собственным горем.

– Боюсь, Бонапарт просто посмеется надо мной. Он уже велел передать мне: женщина, ступай, найди свою прялку.

Александр Христофорович едва сдержался. Это они виноваты в унижении гордой и прекрасной дамы! В ее слезах и бессильном гневе. В жертве, которую она готовится принести победителю. И которая будет брезгливо отвергнута, в чем еще больше позора, чем в хищных и пятнающих честь объятиях. Труссы! Срамцы! Надо было прямо тогда умереть, в непролазной грязи, на подступах к Эйлау. С мертвых какой спрос?

\* \* \*

«Так закончилась эта война, которая по результатам сражений под Пултуском, Эйлау и Хайльсбергом должна была бы окончиться в нашу пользу».

*А.Х. Бенкендорф.*

*Начало февраля 1807 г. Восточная Пруссия.*

Ночь накрыла их, словно войлочным пологом. Ни звезд. Ни огней. Кто где шел, там и упал. Костров не разводили. Есть не готовили. Сухой паек кончился еще вчера. Последний кусок хлеба Бенкендорф сглодал на рассвете и слизнул крошки с грязной ладони. Мойте руки перед едой – хорошее детское наставление. Бесполезное, как и все, что он знал в той, другой – чистой и уютной – жизни, которая кончилась так внезапно, словно крышкой рояля ударили по пальцам.

Бенкендорф сам так захотел. В 21 год уехал служить на Кавказ. Кто же знал, что приключения никогда не кончатся? Он был нервного сложения. Худощав, но жилист. Мог на спор уронить казачью лошадь: толкнул со всей силы в бок – готова. Если кто издевался, способен был зашутить до смерти. Мало кому повезло узнать, как на самом деле впечатлителен и вспыльчив этот «остзейский болван». Как дорого ему обходится покровительство императрицы-матери, для всех желанное, а крестнику – беда. Каждый начальник принимал его за соглядатая. Каждый знак отличия объясняли придворными связями. А там, во дворце, каждый промах подвергали пристрастному изучению и при каждой мимолетной связи били тревогу, будто воспитанник государыни собрался жениться не по августейшему выбору.

Куда только он не бежал от бесконечных перешептываний и добрых советов. Теперь вот застрял в Польше. Среди бескрайних, отнюдь не целебных грязей. Осень только на юге Германии – время для войны. А дальше к востоку – дождь, стынь, сиди дома, на печи, соси лапу.

Поляки лапу сосать не собирались. Встретили Бонапарта в Варшаве балами и дамским патриотическим кокетством. Уверяли, будто его гений не меркнет при любой погоде. А самые сладкие речи вкладывали в уста графини Валевской. Ее раздвоенный язычок сулил победу...

Словом, Бонапарт пошел дальше. Но было ли то уступкой красавице или его собственным упрямством, никто не знал. Поляки ставили на мадам и уже не впервые с наслаждением обманывали сами себя.

Бенкендорф двигался в арьергарде, где сорвиголовы вроде него всегда прикрывали отход. Бои были под Голыминым и Ионковым. Там капитан отличился и ждал наград. Но неприятель вынуждал дать генеральное сражение, и командующий Беннигсен питал самые радужные надежды на его исход.

Вышло по-иному. Бонапарт разметал численно превосходящее прикрытие. Не вышел во фланг, а тяжелая конница Мюрата смяла центр и отхлынула, только разбившись о штыки третьей линии обороны.

Капитана спас его непосредственный начальник, граф Петр Александрович Толстой, который в самый последний момент заорал:

– Чего стоишь?! Прыгай! – и вцепился подчиненному в воротник.

А заорать было отчего.

Кругом люди кололи друг друга вслепую. Пурга разыгралась такая, что своих не узнать. Бенкендорфу уже засветили прикладом в бок. Причем сделал это гвардейский grenadier, которому капитан слова худого не сказал. Даже на ногу не наступил. Просто гвардейская пехота прокладывала себе путь через груды уже поваленных тел, и капитан в своей драгунской форме сошел под метель за француза. Хорошо жив остался, хотя перекосило знатно: упал на одно колено и выпустил палаш из рук.

– Прыгай! Мать твою! – Непонятно как граф Толстой верхом прорвался сюда. Явление отца-командира на лихом коне ободрило капитана, отбившегося от своих еще часа полтора назад.

Генерал выпростал из стремени ногу и крепко схватил Бенкендорфа за шиворот. Тот не заставил себя упрашивать и взлетел на круп лошади позади Толстого.

– Центр прорвали! – хрипло выкрикнул тот. – Кирасиры! Смяли все! Наших не видать!

Было бы хоть чего видать! Снег падал крупными хлопьями, и в его морозе еще неизвестно, куда бы их вынесло, если бы фронт в очередной раз не сместился и кто-то из своих не подхватил генеральского коня под уздцы.

– Ваше высокопревосходительство! Мы вас потеряли! Великий князь приказал строиться и поддержать атаку кавалергардов.

Глупее ничего придумать нельзя: легкая конница не ходит с тяжелой! Но его высочество Константин Павлович – великий стратег!

– Воюем чем попало! – с ненавистью рыкнул Толстой. – Лишь бы дыры затыкать!

Он сказал много доброго о брате государя, но Шурка, уже спрыгнувший с лошади, посчитал своим долгом не расслышать ругани.

Еще утром все было чудно. Ей богу, чудно! В Эйлау казаки напали на обоз самого Бонапарта и перекололи прислугу, уже расставлявшую шатер императора французов. Несчастных гарсонов поддержала собственная Молодая гвардия, топавшая по окраине города. Издалека казалось, что в центре идет настоящее сражение. Каждая из сторон почла долгом подбросить подкрепления. Дело приобрело нешуточный оборот. Стулья с литерой «N» на спинках давно были сломаны, скатерти втопты в грязь, турецкие ковры порваны сотнями подков. А сама схватка переместилась от ратуши на кладбище.

Первый наскок Псковского драгунского полка Толстого был отбит. Лошади среди могил – не лучшее средство передвижения. И Бенкендорф спешил, все равно его крапчатый донской жеребец шарахался от мраморных статуй и античных колонн у входов в склепы.

Во время перестрелки отбитые куски мрамора летели вокруг не хуже осколков гранат. А когда пошла рукопашная, гляди-берегись падающего фиала, клумбы с сухими цветами или фигуры небесного стража, в суматохе опрокинутого кем-то. Ей богу, на кладбище лучше не нагораживать!

Говорят, сам Наполеон с колокольни наблюдал за происходящим и, увидев русских grenadier, готовых вступить в штыковую, закричал: «Браво! Брависсимо! Какая храбрость!»

Бенкендорф этого не слышал и не поручился бы за правдивость. Он орудовал палашом направо и налево, давно потеряв лошадь и слабо различая, где чужие. Кто наваливался, того и бил. По колено в красном от крови снегу и в каком-то сером месиве из разбитых урн. Земля ли то была? Могильный ли прах? Пепел ли? Он не знал.

В самый подходящий момент явился граф Толстой на огнедышащем жеребце и вынес осиянного славой капитана, как валькирия, из битвы.

Спасибо, конечно! Но теперь требовалось наступать. Драгун подвел Бенкендорфу его заводную лошадь, и капитан привычно взлетел в седло.

– Говорят, Бонапарта чуть не зарубили, – сообщил рядовой, перебрасывая офицеру повод. – Наши прорвались на колокольню. Да там охрана. Мамелюки его, слышь, звери.

– Врут, – отрезал Шурка. – Мамелюки пешие не бывают.

– Они ж турки. Им не все едино?

Еще одна причина, по которой мир, даже если и будет подписан, останется на бумаге. Уж больно француз привечает наших врагов – поляков и турок. Если приманит еще и шведов... Бенкендорф не успел додумать неприятную мысль. Затрубили: марш-марш.

Драгуны еще четырежды ходили в атаку. А потом выдерживали удар кирасирской стены вместе с пехотинцами и соскочившими с лошадей уланами. Спешились, свистом и шлепками отогнали коней назад и встали, подняв палаши. Уланы выставили длинные – больше человеческого роста – пики, опустив их на плечи передних гренадер. Те крякали, отпускали неодобрительные замечания, хвалились штыками: мол, самое оно лошади под брюхо, но не перечили, понимая, что лишними чужие лезвия не будут, – усилят частокол, и слава богу!

Удар был страшный. Сам Мюрат в синей шубе с золотыми петлицами промелькнул перед глазами. Две первые линии разметало, как детские игрушки. Третья устояла и заставила французов повернуть. Сколько бы неаполитанский король ни тряс перьями, сколько бы ни крутил скакуна на месте и ни махал кривой саблей, его люди, а вернее, его лошади не пошли дальше.

Но ничего страшнее Бенкендорф не видел. Ближний бой – другое. Не успеешь испугаться, как тебе уже выпустили кишки или ты выпустил. А тут... Стоишь, ждешь, и холод бездействия медленно, но верно обращается в страх. В предчувствие смерти. Самое ужасное в отражении кавалерийской атаки: ты успеваешь осознать происходящее. На тебя несется нечто, превосходящее по размеру, закованное в железо и вращающее саблями.

Сколько раз он был на другой стороне и знал: всаднику тоже страшно. Не потому что трус. А потому что лошадь боится. Скачет, но боится, и ее страх дрожью в руки передается хозяину.

Нет, верхом на стену штыков легче. Поднимут на штыки – прекрасная смерть. Быстрая. Почти без мучений. Хуже, если выбьют из седла и затопчут. Были случаи, когда таких несчастных находили еще живыми на следующее утро после битвы. Без рук, без ног, с разрубленными черепами и раздавленными лицами. Об этом лучше не думать!

А когда сам стоишь и видишь, как горизонт начинает шевелиться, потом в ноги ударяет гул – тысячи подков дружно бьют по замерзшей почве. Чужие, страшные лошади несутся на тебя. И некуда бежать. Кавалерия ближе, ближе. Видно, как ее лихие генералы один за другим подбирают поводья и уходят в сторону, давая место для таранного удара простым всадникам. Те несутся очертя голову, бросив поводья, забыв обо всем. И только впереди на белом коне, покрытом тигровой шкурой, в цирковом плюмаже, в черных усах и кудрях до плеч – лучший кавалерист потрясенного человечества, неаполитанский король, кумир женщин и гроза обоза – божественный Мюрат! Король среди маршалов и маршал среди королей!

Бац! Врезались. Пошла свистопляска. Если русские что-то могут, так это стоять. Вгрызлись в землю, зацепились, теперь их не выковырять. В этом великая, черная мудрость пехоты. Говорят, наши сильны в штыковом бою. Да, сильны. Но трижды сильны в отражении. Не замай!

Четырнадцать часов ужасного, непрерывного месива. Живые охрипли кричать. Умиравшие больше не стонали, когда по ним, как по земле, то кони, то люди – и все без дороги.

Капитан боялся упасть. Подведут ноги – прощай. Накануне шли дожди. Земля размякла. Не желая жертвовать обувкой, многие несли сапоги в руках. Два пеших перехода, когда решено было побережь лошадей, Бенкендорф тоже шел босиком. Думал, что застудил ступни. Вышло хуже. После ночевки, когда грел только бок крапчатого донца, попытался встать. И нате, не ступни – колени. Распухли, крутили, шагу не ступить. Хорошо, что дальше ехали верхом.

Однако сваял же он дурака! Поберег сапоги! После боя таких сапог – послал денщика на поле, пусть выбирает. Теперь вроде ничего, ноги двигались. Но страшная это доля – становиться калекой в неполные 25. Впрочем, кто сказал, что он выживет?

Ночь пала раньше обычного – мглу усиливал снег. Побоище утихло в темноте. Бедный городишко за несколько веков не видел столько народу. Теперь все мертвые.

Отчего-то воображают, будто над сечей наступает тишина. Неправда. Неумолчный стон с разных сторон, вытье и поскуливание, редко крик. Сил уже нет. И это хуже, чем лязг железа, брань и вскрики убитых.

Уже было известно, что обещанный пруссаками в подкрепление корпус генерала Лестока так и не подошел. Посему Беннигсен решил покинуть поле боя, хотя отовсюду поступали донесения: стоим, где стояли. И на поверку вышло, что наколотили француза больше, чем он нас. Тысяч на десять больше. Хорошая работа. Надо бы ребятам щи варить да по чарке водки сверху. И спать. Сегодня даже в снегу будут спать крепко.

Назавтра же можно и подумать, пугнуть ли Бонапарта еще раз или откатиться на новое место.

Но Беннигсену не сиделось. Его нервировала медлительность союзников. Ужасали потери: 15 тысяч, не меньше. Страшила ответственность. По всему выходило: сегодня он победил. А завтра – будет ли удача?

– Оставить поле боя противнику – признать поражение! – севшим голосом кричал на совете генерал Толстой. – А паче чаяния, тронемся? Люди не знают потерь. Начнется паника. Дезертирство. Побегут – не остановим.

Он вернулся мокрый от снега и злой. Приказал позвать Бенкендорфа.

– Вас требует Беннигсен.

– Зачем?

– Не мое дело.

– Петр Александрович...

Полковой командир обычно не срывался на Шурку. Здравый, как все генералы, потаскавшие амуницию еще в средних чинах, а уж потом попершие наверх, он своих людей в полымя не бросал, сам в огне не горел, а о службе выражался так: «Это ж Россия, мать наша, понимать надо!»

– Собирайся, повезешь донесение в Петербург. В уважение к твоим связям, прости, брат. – Граф ходил по палатке усталый, кусачий и не кричал на капитана только потому, что видел: и тому сегодня досталось. – Командующий думает, будто тебе поверят.

– Но ведь я скажу. Я же скажу, что здесь было, – растерялся Бенкендорф.

– А кому интересно твое мнение? – огрызнулся Толстой. – Повезешь реляцию о победе. Сие, брат, стратегия. Нам, дуракам, не понять.

Генерал больше всего хотел налить себе водки, что в присутствии младшего по званию было неприлично.

– Ну ступай, ступай. И это, не очень-то выставляйся перед Беннигсеном. Он мужик хитрый.

О последнем все знали, и капитан не отпустил ни единого комментария, хотя, когда шел по лагерю, уже видел признаки начинающейся паники. Собраться в ночи и бежать! Куда? Зачем?

Людям можно приказать умирать. Но сказать им: уходим, хотя... мы сегодня выиграли. Это как?

Подлю? Глупо?

Дальновидно.

Беннигсен написал донесение, вручил его посыльному. Но в течение следующих суток картина так страшно изменилась, что пришлось Бенкендорфу, прежде чем увидеть столицу, заглянуть в Кенигсберг и очистить город от мародеров. Своих мародеров!

Стыд пробирал до костей. Армия побежала, как и предсказывали разумные генералы. Побежала после сражения, которое следовало признать удачным. Во всяком случае, не проигранным. Но теперь полки обращались в банды. Солдаты – в скотов.

Нет, все же Лестоку следовало поспешить, хотя бы ради своих соотечественников! Чего только капитан не навиделся дорогой. Теперь вот глядел на королеву Луизу. Еще одну жертву, втопанную в грязь по их вине! Чем ее участь лучше судьбы той длинноногой белокурой поселянки, над которой, сняв штаны, стояли четыре егеря? Он, конечно, разогнал их и, кажется, одного даже убил, саданув прикладом в висок. Но женщину все равно не спас.

Есть устав, есть присяга, есть шпицрутены. И лучшие качества солдата будут явлены. Нарушится подчиненность – и вот уже чья-то рыжая наглая харя орет:

– А ты мне не приказывай! Ты кто таков? Пошел на хер!

Хорошо у капитана за спиной не осинник. Три сотни старых солдат.

– Я те покажу, кто таков! Уёбыш!

– А чё ты мне сделаешь? Чё будет? Под суд пойду? Ищи-свищи экзекуторов!

– Так вздерну, – пообещал Бенкендорф, вытирая перчаткой накатывавшие из-за ветра сопли.

Он понимал, что вешать не на чем, и приказал стрелять. Команду выполнили коротко, без чувств. Плюнули и поехали дальше. Но в ушах все еще отдавалось:

– Бабу пожалел! Своим бабу, немку! Да ты, часом, сам...

Часом, это, оно самое! Только спусти их с цепи. Только позволь – порвут. Хорошие, свои, еще вчера герои. Сегодня – дерьмо, нелюди. Бес попутал. Знает он этого беса!

\* \* \*

*Кенигсберг.*

«Наша армия под сильным влиянием неудач и пав жертвою нерешительности и неверных решений главнокомандующего отошла к Тильзиту».

*А. Х. Бенкендорф*

Королева смотрела на курьера по-прежнему мягко.

– Я звала вас, чтобы выразить свою благодарность, – ее голос снова окреп, – за очищение города от мародеров. И свое сочувствие. – Она знаком подняла его с колен. – Мне жаль. Если бы я только могла повернуть время вспять... Но, боюсь, Бог хочет, чтобы мы прошли через это.

Бенкендорф вздохнул. Бог хочет... Тысячи и тысячи убитых, искалеченных людей. Тела отставших и замерзших по всей дороге. Не может Бог хотеть поражения для русских! Или после ста лет побед учит смирению?

– Вы отчаялись, – Луиза готова была взять его за руку. – Напрасно. Вот у меня четверо детей. И я только что своим упрямством лишила их наследства. Но мы не прислуга Бонапарту. Если нужно жить в неволе, лучше умереть.

Камин едва тлел. Ничего удивительного, что королева оставалась в дорожном платье из синего бархата с высоким воротником и витыми золотыми шнурками, как у гусарского ментика. Ее пышные пшеничные волосы были спрятаны под шапочку с черным страусовым пером.

Она изменилась с тех пор, как капитан видел ее в последний раз. Четыре года назад Луиза больше походила на радостную птичку, выпорхнувшую по весне из открытой клетки. Смущенная собственным величием, растроганная всеобщей любовью, стыдящаяся своей красоты...



Теперь на него глядела исполненная внутренней мудрости женщина, чьи глаза уже были прояснены будущим страданием и которая давно благословила все, что с ней произойдет.

– У меня для вас подарок. – Луиза открыла шкатулку, стоявшую на столе. Здесь среди перстней, лент и споротых кружев она хранила милые безделушки. Поделки детей, шишки из парка в Шарлоттенбурге, сухие цветы лаванды для запаха. – Вот возьмите, это мой крест. Хорошая работа, правда?

Капитан прежде принял подарок, чем опомнился, что делать этого нельзя.

– Простите, ваше величество... я...

Она взяла руку Бенкендорфа обеими ладонями и с силой сомкнула его пальцы над ажурной сталью. Такие кресты делали в Гляйвице и заменяли ими золотые, которые вслед за королевой прусские дамы жертвовали на нужды армии.

– Не важно, как это выглядит со стороны. Не имеет значения, кто и что об этом подумал бы, если бы увидел, – Луиза говорила доверительно, но без тени кокетства. – Я помню вас. И всегда замечала. Вы не могли об этом знать. Вы обычно стояли сзади. Вас никогда не представляли.

– Это было бы неуместно...

Луиза кивнула.

– Но я не могла не чувствовать ваш взгляд. Иногда чужое восхищение – это все, что нужно, чтобы не потерять себя. Вы приедете на переговоры?

– Если государь прикажет.

– Сделайте все, чтобы попасть туда. Просто окажитесь там, – королева снова сжала пальцы гостя на холодной поверхности креста. – Стойте и смотрите на меня. Этого будет достаточно.

\* \* \*

*Середина февраля. Петербург.*

«Этой удивительной женщине ничего нельзя поставить в упрек, кроме чрезмерной строгости к собственным детям».

*А. Х. Бенкендорф*

Всю дорогу до столицы капитан проделал в дурном расположении духа. Безмолвное обожание. Абсолютная преданность. Неужели это все, на что он способен? Почему стоять сзади и смотреть через чужие спины – его удел?

Пожалуй, сейчас ему трудно было бы даже вспомнить, чего хотелось в другой, довоенной жизни.

В юности любил читать древних авторов. Плутарха и описание подвигов великих людей. Когда три года назад был с миссией в Архипелаге, первую ночь не мог спать, воображал, что корабль стоит у берегов, где ходили Одиссей и Агамемнон. Все таращился на темную полоску земли, и мнилось, что за кустами еще движутся бесприютные тени героев. Смотрел в теплое чужое небо и мысленно примерял доспехи Ахилла.

Допримерялся! Хорошо не погиб, как Патрокл!

Одно Бенкендорф усвоил твердо: всегда может быть хуже. Он явился в Петербург в середине февраля и... окунулся в победный восторг. Его никто не слушал. И все поздравляли.

Капитан смешался, говорил невпопад. Хвалил Толстого. Ругал Беннигсена – того, кому государь пожаловал Андрея Первозванного.

А там... Там был разгром. Толпы обезумевших, бегущих, никем не управляемых людей. Смерть и позор. Без поражения. Что казалось неправдоподобным, особенно издалека, из Петербурга.

На Александра Христофоровича смотрели косо, принимали холодно. И, наконец, вдовствующая императрица снизошла до вразумления. Она пригласила воспитанника в свои теплые покои в Зимнем и, велев всем выйти, указала на стул.

– Вы огорчаете меня, Сашхен.

Мария Федоровна только что вернулась с бала. Конечно, она больше не танцевала. Целую вечность! С тех пор как семь лет назад стала вдовой. Приличия запретили бы ей скакать в котильоне, но при взгляде на стан-амфору, на исполненные грации и спокойного величия движения императрицы-матери, оставалось только сожалеть, что эта рослая фарфоровая дама не возглавляет торжественные шествия в первой паре полонеза.

Траура ее величество не носила, возненавидев черное в те дни, когда лила слезы по мужу, а вся столица ликовала и в окна дворца даже ночью долетали приветственные крики. Глупцы думали, будто расстались с тираном! Надолго ли? Вот он, новый тиран – Бонапарт – стучится в двери!

– Сядьте, Сашхен, – Мария Федоровна жестом отослала камер-фрау, готовую снять с ее головы диадему и отколоть мантию. Нет, она будет разговаривать с этим остолопом как подobaет истинной царице. – Я разочарована.

Покровительница возвышалась над Бенкендорфом на целую голову, а его росту завидовали многие! Но сейчас крестник сжался, как всегда сжимался в ее присутствии, опустил плечи и втянул шею.

– Садитесь же.

Мария Федоровна опустилась на стул со спинкой-лирой и одним взмахом уложила у ног шлейф, расшитый золотыми розетками.

– Мне не нравится все, что вы делаете, дитя мое, – веско сказала она. – И мне не нравятся вы сами, каким прибыли из-под Эйлау.

Что на это ответить? Бенкендорф переминался с ноги на ногу, готовый пятками просверлить наборный паркет и провалиться этажом ниже. Вдовствующая императрица – не тот человек, который думает, будто повинную голову меч не сечет. Очень даже сечет. И за два десятилетия покровительства сын покойной подруги часто выходил из ее кабинета высеченным.

– Вы недовольны чином полковника? – почти насмешливо спросила пожилая дама. – Друг мой, ваш командир продвинул вас лишь на одну ступень. Тогда как я, – она выдержала паузу, – на две. Вы только пару недель проходили подполковником. А уже новое назначение. Не пора ли...

«Заткнуться», – мысленно проговорил за нее Бенкендорф.

– ...вести себя более благоразумно, – закончила царица.

Они сидели в светлом кабинете государыни. Ее величество не любила мрачных тонов. В жизни и без того много ненастных дней, пусть хоть вещи дарят ощущение весны. Над столом висел крымский пейзаж кисти самой августейшей художницы. В медальонах между окнами – портреты ее детей, которые Мария Федоровна лично вырезала по кости. Каждый величиной с ладонь, простая легкая оправка, тонкая лента, булавка к обоям – все по-семейному. В дальнем углу Бенкендорф заметил свой профиль. В этом доме он был Сашхен, или даже Шурка, как подвернется ей под руку.

– Ваши родители, мой друг, всегда являли собой пример благодарности и послушания.

Александр Христофорович опустил глаза и попытался вымучить из себя объяснение. Вдовствующая императрица была этим шокирована. Он осмеливается возражать!

– Помолчите. Вы уже достаточно наговорили в гостиных, – в ее голосе звучал укор. – Война с Бонапартом будет продолжена во что бы то ни стало. А вы... вы сеете панику, утверждаете, будто мы разбиты.

«Не разбиты, но бежим», – мысленно поправил Шурка.

– Не перечьте мне! – вскинулась Мария Федоровна. Ах, как хорошо она его знала! Куда лучше, чем родная мать, которая умерла еще до того, как сын начал взрослеть. Эта венценосная женщина видела воспитанника насквозь. Без нее он был ничто. Она без таких, как он, – молчаливых, преданных, готовых исполнить любой приказ – лишалась опоры. Столь нужной при перетягивании каната с сыном-императором. А он вздумал ершиться!

– Беннигсен – победитель. Бонапарт будет разбит, – отчеканила вдовствующая государыня. – Это и только это вы должны говорить всем и каждому.

Бенкендорф поклонился. Его мнение казалось излишним.

– Послушайте, Сашхен, – Мария Федоровна смягчилась, – вы избыточно честны. Надо стать дальновиднее.

Александр Христофорович поднял на нее глаза.

– Когда вы вот так смотрите, я вижу перед собой вашу матушку, – вздохнула императрица. – Ведь она пострадала от моего супруга, покойного государя, тоже за неверно понятую преданность. Стала защищать меня, говорить, что его фаворитка Нелидова – интриганка, метит на мое место... И все это открыто. Именно тогда вашей семье пришлось уехать обратно, в Германию, – Мария Федоровна помолчала. – Вспомните, сколько ваш отец искал службу. Нашел только у баварцев в Байроте. Мне стоило большого труда и такта смягчить государя. Вернуть ваших родителей.

«Да, вернуть. Из свиты цесаревича рижским губернатором. Такой вот зигзаг карьеры!».

– Помните об этом. Не оступитесь, – вдовствующая императрица покачала головой. – Вы слишком похожи на Анну, Сашхен. Я бы не хотела вами жертвовать.

Очень откровенно.

– Но, ваше величество, – начал Бенкендорф, – говорят, государь заключает мир. Он едет на переговоры.

Лицо Марии Федоровны выразило крайнее неудовольствие. Ее считают сторонницей войны! Глупые игрушки для детей, которые никак не повзрослеют. А мужчины – дети, им нельзя давать заигрываться. Нищие, разоренные города, брошенные дороги... Война позволяет забыться. Но рано или поздно наступает отрезвление. Лучше рано. Такова ее философия.

– Друг мой, – вновь заговорила пожилая дама. – Вы помните, как погиб покойный государь?

Бенкендорф сглотнул. О подобных вещах не принято упоминать вслух.

– Его убили, когда он решил заключить союз с Бонапартом, – твердый подбородок Мария Федоровны задрожал. – Англия не позволит России выйти из большой войны. Здесь многие опутаны ее золотыми нитями. Да и своих дураков хватает! Лишь бы кричать «ура» и убивать людей.

Мария Федоровна взяла платок и против ожидания вытерла не глаза, а лоб. Она уже страдала внезапными приливами жара, но все еще выглядела цветущей. Какая кожа! Какие руки! Будто на мрамор натянули белую шелковую перчатку. Ей-богу, с этой дамой еще и сегодня не стыдно было бы пуститься в амур. Но при этом какая репутация! Белее молока, чище кружевной скатерти.

– Итак, Сашхен, вы хотите объяснений? Получите их, – сухо проговорила покровительница. – Государь все знает. Надо быть очень наивным, чтобы думать, будто мой сын, – она возвела глаза горе, – может хоть на минуту выпустить правду из виду. Он поедет на переговоры и будет торговаться. Поверьте, дипломатия – сильная сторона его способностей.

От Бенкендорфа не укрылась гордость, с которой императрица-мать говорила о своем первенце. А ведь иной раз можно подумать, будто они враги.

– Но, – Мария Федоровна вздохнула, – везде есть горячие головы. Нельзя допустить, чтобы в такой опасный момент против государя созрел заговор... Они уже перебирают моих

детей! Кто следующий займет трон! – Щеки пожилой дамы вспыхнули румянцем негодования. – А ведь Константин – трус. Вы домашний человек, вам я могу сказать правду.

Бенкендорф предпочел бы не слышать подобных характеристик. Потом ему же поставят в вину минутное чистосердечие государыни.

– Только Александр выведет нас, – твердо заключила она. – Мой сын Александр.

Повисла пауза. От всего сказанного ситуация не становилась яснее.

– И вот я, – терпеливо начала разжевывать вдовствующая императрица, – принимаю на себя роль сторонницы войны. Машу флагами. Затем, чтобы тайные заговорщики решили, будто возле меня, в моем кругу, можно заявлять недовольство открыто, без последствий. Теперь они уже все известны. Все наперечет. А я лишь раскидываю сети шире. И кто мне попадается? Вы, Сашхен! Вы!

Мария Федоровна замолчала. Ее воспитанник был раздавлен.

– Делайте, что вам говорят, – с ласковым упреком произнесла царица. – Я сама скажу вам, когда вы будете готовы для большой игры.

В тот момент казалось: никогда.

Вдовствующая императрица встала и ободряюще похлопала воспитанника по плечу.

– Вы вскоре получите новое назначение. Состоять при посольстве в Париже. И кое-какие частные распоряжения от государя.

Полковник внутренне возмутился: он не дипломат! Все его последние поступки это только доказывали.

– Я полагал вернуться в армию. Мой теперешний командир граф Толстой...

– Граф Толстой назначен послом. Вы не разлучитесь.

## Глава 2. «Le petite princes»

*«Когда Август пьет, Польша пьянеет».*  
*Польская пословица*

*Белосток. Польша. Лето 1807 г.*

Белосток – самый прекрасный замок на земле. Желто-розовый сон среди кипени цветущего сада. Зеркала прудов и горбатые мостики у беседок, чьи мраморные ступени уходят прямо в холодную, серую глубину вод.

Бенкендорф вспомнил, что у его родителей не было свадебного путешествия. Едва венчавшись, они в 1782 году поехали сопровождать великокняжескую чету за границу. Такая честь! Вена, Рим, Неаполь, Париж... Но отец уверял, будто ни в Версале, ни в Потсдаме он не встречал такой расточительной, такой обморочной роскоши. Счастливого безумия. Золотого сна, во время которого Польша не сразу заметила, что ей пустили кровь. Так бывает, если сам часто отворяешь себе вены...

Теперь Александр Христофорович видел Белосток своими глазами. Тень былого величия. Крыло отлетевшей славы. Пепел был еще теплым.

– Этот дом называют Подляшским Версалем. Обитателям замка чудилось, будто костер вот-вот займется вновь. Посмотрите, как в прежние времена жили вельможи, даже не принадлежавшие к правительственной партии. Я смею утверждать, – старая кастелянша с гордостью вскидывала голову, – что истинная аристократия сохранилась только в Польше: там, где магнаты не зависели от короля. Каждый день за стол садится человек до пятидесяти, – она радушно обвела рукой кушанья, расставленные перед гостями, – но после нас остатками кормится еще пара сотен челяди.

Бенкендорф не считал, что холопы, кидающиеся на объедки, – признак аристократизма. Но его учили не перебивать старших.

Он приехал сюда в июне. Все уже было кончено. В Тильзите государи вновь перекроили карту. Россия могла быть довольна: земли до Вислы. Но у пруссаков отняли куски Польши и соединили в герцогство Варшавское. Только слепой не понял бы зачем. Пика с красно-белым флажком уже была наклонена в сторону Немана.

А потому никто не обольщался ни насчет французов, ни насчет новых подданных, которые, конечно, с большим удовольствием оказались бы по другую сторону границы. Тем не менее им пришлось терпеть русских. И, чтобы подсластить бочку дегтя, посол Толстой устроил в Белостоке череду празднеств. Весь его штат – офицеры и дипломаты – поселился в замке на несколько месяцев, чем несказанно стеснил добрую кастеляншу, сестру последнего короля Станислава Августа и ее многочисленных родственниц: Тышкевичей, Понятовских, Потоцких...

Еще вчера они своими руками вышивали знамена для юной польской армии, носили малиновые шапочки набекрень и ждали возрождения «Ржечи от можа до можа». Сегодня...

– Мы все надеялись, что после стольких поражений Пруссия будет исключена из числа европейских держав. Полностью уничтожена.

«Знаю я, на что вы надеялись, – думал Шурка, – и кто должен быть исключен...»

– Но великий человек благоволил иначе. – И все за столом немедленно повторили: «великий, великий, великий...» Как разноголосое, но однообразное эхо. – Его воля – ныне закон в Европе, не так ли?

Мягкий голос кастелянши был обращен к русским гостям. От них постоянно ожидали вежливого восхищения через силу. Так уж повелось, раз государь целовался с Бонапартом. Правда целовался. Без шуток! И французы были от этого в восторге. Наши плевались.

– Не правда ли? – с упором и самой любезной улыбкой повторила кастелянша. Она чувствовала, как все напряжены за столом. Ее племянницы. Ее гости. Честь хозяйки требовала сохранить мир.

– С одной стороны... – протянул Толстой, чья ненависть к Бонапарту только усилилась за последние полгода. Сдерживаемая этикетом и возложенными дипломатическими обязанностями, она теперь горела ровно, без вспышек, но жарко. Не стоило подносить руку. – Монархи двух могущественнейших держав...

На лицах полек появилось кислое выражение, что еще больше разозлило посла. Он готов был вспылить. Бенкендорф понял, что пора спасать начальство, и открыл рот, намереваясь сказать цветистую глупость. Но сказал:

– После встречи императоров на плоту посреди Немана между нами и нашими противниками вошла в обычай изысканная вежливость. Должна ли она скрывать очевидное? Французы видят свой триумф. Мы – новое требование возмездия. Они радуются миру. Мы ждем войны. И готовимся.

Повисла глубокая пауза. Все глаза были устремлены на дерзкого нарушителя приличий. Обычно он молчал. Бенкендорфа считали лицом, близким к августейшей семье, и давно желали услышать его голос. Но никто не ожидал от полковника недипломатической прямоты.

– Что ж, молодой человек, – задумчиво отозвалась кастелянша. – Вы всегда храните безмолвие. Я рада, что первые ваши слова продиктованы честностью. Но позвольте напомнить, что «возмездие» неуместно после подписания мира.

– Да и чего вам ждать от новой войны? Новых поражений? – это подала голос младшая из племянниц кастелянши, графиня Потоцкая.

Александр Христофорович мог себя поздравить: до сих пор она не устаивала русских разговором, храня патриотический бойкот. Даже за столом у нее не стоило просить соус. Толстой однажды нагрелся: захотел хлеба – и услышал в ответ:

– Ниц нема.

Перед ними стояла фарфоровая плетенка, полная круглых розанчиков. Тогда только Шурка нашелся, сумев превратить все в шутку:

– Тогда воды.

– Зараз, – пани против воли рассмеялась.

В Польше наполеоновские войска голодали. А когда требовали у крестьян «клиеба», слышали в ответ только: «нема». Но воду им приносили исправно: «зараз, зараз».

Тогда молоденькая Анна впервые взглянула на полковника с интересом. Но потом одернула себя и снова заковалась в лед. Теперь ему удалось второй раз пробить ее броню.

– Вы можете готовиться сколько угодно! – вспылила Потоцкая. – Разве кто-нибудь в силах победить гения?!

– Яна! – кастелянша передернула плечами так, точно рукава платья жали ей в подмышках. – Дитя мое...

Все в замке звали Анну Яной, из чего Бенкендорф сначала вывел заключение, будто имя заинтересовавшей его дамы Иоанна. Жаннет на французский манер. Но за глаза ее величали «le petite princes» – маленькая принцесса. Что подходило больше.

Она не была красавицей. Живой, веселый котенок. Черные блестящие глаза, большой рот, волосы, выющиеся в беспорядке. Яна брала грацией, бьющими через край радостью и лукавством. Ее ненависть была искренней и пристрастной. Как любовь. Словом, полковник посчитал эту даму достойным трофеем и начал охоту, обложив дичь по всем правилам.

– Вы уже преклонились перед Наполеоном. Вы и пруссаки. Я видела поверженную королеву Луизу. Ненависть на коленях! Великолепное зрелище!

Вот этого не следовало говорить. Бенкендорф тоже видел королеву в Тильзите<sup>8</sup>. Как его и просили.

Между Эйлау и встречей на Немане произошло еще одно несчастное сражение – Фридланд<sup>9</sup>. Бонапарту сопутствовал успех, а Беннигсен, несмотря на численное превосходство, проиграл. Проиграл гению, который корсиканец, как никто, умел совместить со злодейством.

Мы покорились. Поляки были счастливы. Пруссак с дрожью ожидал своей участи.

Свита Александра I на встрече венценосцев была разнообразна и блестяща. Бенкендорфу ничего не стоило затесаться в ее задние ряды. Он обещал. Он сделал. Стоял и смотрел.

Королеву сопровождал муж. Иначе о Фридрихе Вильгельме сказать было нельзя. Долговязый, немногословный, вечно скованный и надеющийся только на нее. Во время встречи Наполеона и Александра I на плоту посреди Немана бедняга три часа топтался на берегу, ожидая результатов. Его даже не сочли нужным пригласить. Теперь он вел супругу как на заклание.

Когда ее величество сошла с подножки открытой кареты и преклонила голову перед встречавшим прусских владык победителем, на площади воцарилась тишина.

– Мадам, глядя на вас, я понимаю, почему у меня так много врагов, – с галантным укором произнес корсиканец. – Вы создали мне их своей красотой.

– Пощадите... пощадите мою бедную родину...

Она говорила едва слышно. Как Бенкендорф мог угадать эти слова? Он с трудом даже видел, как шевелятся губы Луизы.

– Но ведь вы никогда не простите мне этой минуты, – строго возразил Бонапарт. – Ни вы, ни ваши подданные, ни противники, которых подняло на меня ваше патриотическое безумие.

– Ваш гений торжествует над любыми недругами, – поспешил на помощь несчастной королеве Александр I. – А ваше великодушие обращает даже заклятых врагов в истинных друзей.

По знаку Бонапарта все поднялись на ступени дворца, и больше ничего не было слышно. Победитель шел впереди. Следом прусский король и русский император вели королеву, опирающуюся на их руки. Два мужчины, близкие ей и готовые откупиться ее красотой от чудовища.

А где-то в толпе стоял третий, не имевший на Луизу никаких прав и тоже не способный что-либо поделать. Предавший без предательства, но, по крайней мере, стыдившийся происходящего.

Королева поднялась к дверям. Алый бархат ее токи в сочетании с белым кружевом накидки делал Луизу особенно похожей на жертву. Как в древние, языческие времена. Приношение Молоху.

---

<sup>8</sup> Тильзитский мир – мирный договор 8 июля 1807 г. Заключен между Россией и Францией после победы Наполеона в кампании 1806–1806 гг. Стал результатом сокрушительного разгрома французскими войсками Пруссии и единственной, но решающей победы над русской армией при Фридланде. Наполеон усиленно подчеркивал, что подписывает мир именно с русским императором, а Фридрих Вильгельм III просто капитулирует перед ним. Наполеон находился на берегу реки Немана, в прусском городке Тильзите. Русская армия и остатки прусской стояли на другом берегу. Александр I пожелал встретиться с императором французов на плоту посреди реки. Предполагалось, что randevu подчеркнет равенство сторон. Но 25 июня 1807 г. лодка Наполеона причалила раньше, и он встретил русского царя с видом радушного хозяина. Около часа они беседовали наедине в павильоне на воде. На другой день оба императора вновь увиделись, но уже в присутствии Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы. Более половины прусских владений были отобраны Наполеоном, но он оставил побежденным немцам Старую Пруссию, Бранденбург, Померанию и Силезию. В Тильзите Наполеон заключил с Александром I союз и вынудил Россию присоединиться к континентальной блокаде Англии – не продавать на остров свои товары, что составляло серьезную долю русского экспорта. Чувство унижения, которое испытало русское общество при известии о Тильзитском мире, было огромно. Происходили самоубийства и дуэли на почве «позорного мира». М. С. Воронцов писал: «Нашим дипломатам следует вернуться из Тильзита верхом на ослах. Надеюсь, государь знает, что делает».

<sup>9</sup> Битва под Фридландом – 14 июня 1807 г. Наполеон разбил в Восточной Пруссии численно превосходящую русскую армию под командованием генерала Л. Л. Беннигсена, сумев использовать особенности местности и неумелое расположение войск, которые Беннигсен фактически «заял» на пятачке. Французы потеряли около 12 тыс. чел., а русские – от 18 до 20 тыс. чел. Эта победа дала Наполеону возможность подписать Тильзитский мир.

Она вскинула глаза и быстро пробежала ими по толпе. Бенкендорф не поручился бы, что тревожный взгляд выцепил его из рядов любопытных. Королева вздохнула, словно говорила прости солнцу и небу. Кивнула, как бы соглашаясь с неизбежным. И отважно шагнула в темную сень за дверями. Было видно, как Талейран – изящный царедворец с напудренными локонами – закрыл за их величествами высокие стеклянные створки.

Луиза выторговала у узурпатора кусочки Пруссии, и теперь поляки были этим крайне возмущены.

– Выходит, все наши жертвы, все слезы матерей, все мужество юношей, вступивших в армию, напрасны! И кому, скажите на милость, нужен этот огрызок Пруссии? – Графиня Потоцкая смотрела на полковника, как ангел-обвинитель в день Страшного суда.

– Яна, разве это нашего ума дело? – упрекнула кастелянша. – Оставь политику сильным мира сего...

– Нет, отчего же, – вновь подал голос не утрачившийся пламенных взглядов Бенкендорф. – Ваша племянница находит в себе мужество говорить то, о чем думают многие, но благоразумно молчат.

Еще один обжигающий взгляд. Не то благодарный, не то предостерегающий. «Остановитесь, сударь! Мы враги. Я дальше не пойду». Еще как пойдете!

– Мадам графиня считает, что Пруссия, одна из виновниц гибели ее родины, должна сама перестать существовать.

– Это было бы справедливо!

– Вы можете обеспечить такой исход? – Бенкендорф чувствовал, что ступает на скользкую почву. – Не вы лично... – Все засмеялись. – ...А ваши соотечественники?

– В союзе с Наполеоном...

– Сами?

Анна сдернула белую салфетку, бросила ее на стол, так что край угодил в тарелку и сидевших рядом забрызгало соусом.

– Я сыта, – поклонилась она кастелянше, – и вашим угощением, и вашими гостями, тетя. Маленькая принцесса стремительно направилась к двери из столовой.

– Александр Христофорович! – с укором пробасил Толстой. – Нельзя ли было как-то... Вы порой несносны!

Полковник подавил усмешку. Спустя всего неделю ясновельможного хамства он буквально ногтями расцарапал броню Яны, задевая самые болезненные струны ее души. Теперь она всю ночь будет кипеть, думать, как следовало возразить обидчику. Ergo вспоминать его. Что и требовалось.

\* \* \*

«Мое детское сердце билось, слушая рассказы о наших победах. Но я не понимала, почему нужно ненавидеть хорошеньких русских офицеров, которые так красиво гарцевали на своих великолепных лошадях».

*Анна Потоцкая*

Следующим шагом большой игры могло стать только нежное примирение. До разрыва он бы не допустил. Храни Бог чистосердечных дурочек!

Всю неделю Бенкендорф вздыхал и ловил взгляды жестокой. Но не смел и рта раскрыть, как бы раскаиваясь в недавней резкости. Полковник нарочно гулял в парке в то самое время, когда выходила *le petite princes*, и попадался ей на глаза в ее любимых местах – у оранжереи, под башней-руиной, в античном гроте... Но тут же резко сворачивал в сторону, терялся между деревьями и прятался за постаменты мраморных амуров. Словно боялся обеспокоить собой



даму сердца. И вместе с тем украдкой наблюдал за ней, получая удовольствие от лицемерия земного божества.

Яна демонстрировала холодность. Нарочито делала вид, что не замечает его потуг. Но помимо воли начинала уже искать глазами знакомую долговязую фигуру и за столом напрягать слух, чтобы расслышать его разговор с другими собеседниками. Он всегда отзывался благородно и сдержанно, отчего складывалось впечатление, будто его лишь раз вывела из терпения одна-единственная женщина.

Кастелянша взидала на своего гостя с удивлением. Друзья подтрунивали над ним. Полковник все сносил смиренно, тайно радуясь тому, что роман делается притчей во языцех.

На недоуменный вопрос Толстого он небрежно бросил: «От скуки». И приложил усилия, чтобы эти слова через кастеляншу (с которой у посла царил подозрительное согласие) стали известны противной стороне.

В ответ Яна предприняла попытку его задеть. Напрасно. Он был сама покорность. Но в его откликах на ее замечания слышалась скрытая насмешка, которая так легко дается, если говорить с преувеличенной вежливостью. Собеседник теряется в догадках, честны ли с ним или стараются оскорбить. Стоит ли обижаться и на что именно? Сбитый с толку, он делает одну ошибку за другой, случайно открывая свои карты.

Только одно могло опрокинуть любовно разложенный пасьянс. Неожиданная искренность дамы. И готовность кавалера ответить тем же. Это увело бы игру на следующий уровень, где главный закон – непредсказуемость. А главное наслаждение – невозможность угадать следующий шаг.

Такого развития событий Бенкендорф позволить себе не мог. И до определенного момента боялся, что Яна – такая живая, кокетливая девочка – ненароком перескочит черту. Зря! Она оказалась не слишком искусна в куртуазном поединке и выбрала защиту «Порядочная дама». Чем мгновенно очертила круг дозволенного. Это сразу облегчало задачу, ибо все ходы сторон были тысячу раз прописаны в романах. Венцом становилось падение крепости и торжество соблазнителя с финальным раскаянием у ног возлюбленной. Неправдоподобная развязка!

После колкого замечания о скуке было обронено еще более обидное: «Вы же знаете полек!» Тоже доведенное до сведения Анны.

Задохнувшись от негодования, маленькая принцесса ринулась в бой. За столом заговорили о галантности французов, об их успехе у женщин. Наконец, о пассии Наполеона графине Валевской.

– У нас многие считали важным связать интересы страны любовными узами. Бонапарту нашли то, что нужно: красивую, глупую и уступчивую, – в голосе Яны звучало уязвленное самолюбие. – Думаю, если бы она повела себя менее покладисто, французский император проявил бы больше уважения и к ней, бедняжке, и к нации.

– Нельзя требовать от нее добродетели там, где все подруги открыли объятия гостям, – со сладким ядом в голосе произнес Бенкендорф.

– Ах, отнюдь! – взвилась маленькая принцесса. – Вы слышали о победах французов и надеетесь, что русским будет оказано такое же гостеприимство!

Полковник с деланным равнодушием пожал плечами:

– Геродот писал: сарматки любят силу.

– Но не насилие!

– Вы оба переходите границы! – вскинулась кастелянша. – Где ваше воспитание, молодой человек!

– Возможно, об этом стоит спросить у вашей племянницы.

Пожилая дама перевела негодующий взгляд на Яну. Та попыталась взять себя в руки.

– Вынуждена сознаться, что весьма немногие из наших дам оказали достойное сопротивление французской галантности. Их можно оправдать восторгом патриотизма, – с расстановкой проговорила она. – Но те, избранные, кто предпочел добродетель, навсегда сохранили любовь и почтение своих поклонников.

– В самом деле, – глубокомысленно согласился полковник, делая поклон в сторону собеседницы. При этом нельзя было понять, является ли его кивок подтверждением ее слов или издевкой.

– Были даже браки, – примирительно произнесла кастелянша. – Правда, немного.

Бенкендорф решил добить хозяек:

– А вы не задумывались, отчего немного?

О, они задумывались. Очень даже задумывались! Вопрос не требовал ответа. Их не считали равными. Только походная любовь на соломе. Французы унижали непрощенных союзников еще больше, чем русские. Наши – просто медведи. Помирился – все будет возможно: и браки, и дети, и права. Французы же умели так изысканно указать полякам на их место, что не приходилось обижаться. Хотя стоило. По-варварски. По-сарматски. Ведь чужаков кормили и при-вечали...

\* \* \*

«Поляки увидели проблеск надежды: они усердно служили под знаменами Наполеона и верили, что наступает момент восстановления их независимости; Наполеон видел в этом только авангард, который он приготовил против России».

*А. Х. Бенкендорф*

– Я запрещаю вам вообще открывать рот за обедом! – Толстой не замечал, что его слова смешны. Он выговаривал подчиненному в кабинете. – Кастелянша после ваших откровений проплакала весь вечер.

Вот кого Бенкендорф меньше всего хотел задеть!

– Ведь они все знают. Все понимают. Ведь их тоже можно понять...

– Нет.

– Что «нет»?! – взревел граф. – Я не вашего согласия спрашиваю. Я вам командир и отдаю приказы!

– Да. – Вид у полковника был такой рассеянный, что становилось ясно: он глядит в окно на темные дорожки сада и не слышит обращенных к нему слов.

– Вы бы уже скорее прибрали к рукам эту Яну, – проворчал граф. – Все бы и забылось.

– О, ни за что, – протянул Бенкендорф, предвкушая долгое – с чувством, с толком, с расстановкой – приключение.

Толстой махнул рукой, взял с камина табакерку и отправился на ежевечернюю прогулку с кастеляншей. Им было хорошо вместе: они ругали молодых и вспоминали свое «золотое время». Почему эти двое ухитрялись ладить, не задевая патриотических чувств друг друга? Может быть, потому что не хотели задеть?

Александра же Христофоровича национальные чувства маленькой принцессы интересовали постольку, поскольку позволяли вывести ее из равновесия. Но пора было переходить к чувствам вообще.

Еще пару дней он прилежно посещал все спектакли французской и итальянской трупп, дававшиеся в замке. Между прочим, актеров тоже среди челяди звали к столу после господ, и это их не смущало!

Полковник садился всегда в партере и голодными глазами взира́л на ложу своей очаровательницы. Кавалер, который хочет остаться незаметным, выбирает место позади дамы. Но Бенкендорфу нужно было, чтобы его видели. В самых патетических местах он вздыхал и закатывал глаза к первому ярусу, дабы убедиться, пробрали ли картонные чувства исполнителей предмет его страсти.

Если ей угодно было хлопать, он тут же принимался рукоплескать. Если его одобрение касалось не понравившегося Яне места и смуглые руки, перехваченные у запястий нитями розового жемчуга, оставались бестрепетно лежать на малиновой обивке балкона, рыцарь демонстративно прекращал хлопки и делал растерянное лицо: «Как? Разве не здесь? Ну, да я ведь ничего не понимаю!»

К слову, понимал он великолепно. Шурку с детства невозможно было вытянуть из театров. Особенно с балетов, где актрисы махали ногами перед самым носом у зрителей.

В четверг полковник набрался наглости и явился в домовую церковь во время мессы, где лютеранину делать было нечего. Впрочем, он был лихим лютеранином. Не чуждался причаститься перед боем у полкового батюшки. Раз дают, чего отказываться? А воспитание в католическом пансионе аббата Николя позволяло ему войти в костел, не нарушив ни одного правила.

Он крестился в обе стороны, а если потребовалось бы, то и двумя руками. Мог петь на латыни и очень любил орган. Все эти мощи – Бог бы с ними. От костей, ногтей и волос праведников, оправленных в золото и выставленных на всеобщее обозрение, его передергивало. А вот музыка у схизматиков была хорошая. Настоящая. Особенно если Моцарт. И если с горном. Плач души!

В церкви Бенкендорф расслабился и прослушал мессу, сидя на последнем ряду и улета́я со звуками органа к осипшему от молитв небу.

Все кончилось. Он знал, как положено действовать по канону, и пробился к чаше. На него смотрели крайне неодобрительно. Плевать!

Яна приблизилась, оправляя наголку из черного кружева. На ее лице было написано: «Вы с ума сошли!»

«Донна Анна...» – он протянул ей горсть воды.

«Не бери, не бери, не трогай!» – стучало у графини в голове. «Вы дьявол!» – хотели выговорить губы.

«Одно прикосновение к руке бедного Гуана, – умоляли его глаза. – Ах, как скучно! Ведь мы ляжем под эти плиты, и ничто больше не согреет нас! Ни луч солнца, ни птичьи трели, ни трепет теплых пальцев...»

Она опустила руку и перекрестилась его водой, больше повинувшись сюжету, чем истинному желанию. А потом позволила себе негодовать, укорять, раскаиваться. Тоже по сюжету. Ее враг торжествовал, и оба знали заранее, каким будет следующий шаг.

Цветы, да цветы.

Причем розы. Ярко-алые. Разных сортов и запахов. От почти бордовых, широко раскрывших жаждающее естество. До нежно-розовых, собранных в твердый бутон девства. Их аромат – то мускусный, то анисовый – наполнял спальню маленькой принцессы по утрам. И никто не знал, как они туда попадали.

Даже допрос слуг, даже попытка не спать и караулить не дали результатов. Горничным было заплачено, а часового неизменно смаривает сон перед рассветом.

Сначала букет лежал на пороге. Потом в ногах кровати. У изголовья. Наконец, на одеяле. Бенкендорф нарочно выбрал откровенный, бесстыдный цветок. Он не хотел подчеркивать ни лилейной святости дамы, ни бесплотности своих притязаний. Отказывался баловать ее незабудками: помните обо мне. Будет помнить!

«Я хочу вас, – кричали розы. – И вы станете моей! Несмотря на строгость нравов! Благодаря им!»

\* \* \*

«Она заставила меня приложить все силы для того, чтобы победить ее предубеждение по отношению к русским; наконец, патриотизм сдался».

*А. Х. Бенкендорф*

Новым шагом стало письмо.

«Взгляните на меня. И я буду вознагражден. Довольно и того страдания, что Вы считаете меня врагом, в то время как я – всего лишь смиренный раб вашей красоты».

Бенкендорф никогда не переписывал чужой любовной галиматии из письмовников. Хватит и своей.

Три первых послания кряду Яна пропустила без ответа. Герой-любовник не отчаивался. Так положено. Лишь бы на четвертом не сорвалось.

Дама была строга. И пять, и десять эпистол канули в Лету. Тогда полковник явился после чая на узаконенное традицией семейное чтение, где французская эмигрантка мадемуазель Дюшен, лектриса кастелянши, два часа читала вслух газеты, романы, пьесы, трактаты естествоиспытателей и описания путешествий. На сей раз она оглашала малиновую гостиную «Новой Элоизой» Руссо. Бенкендорф вошел как раз в тот момент, когда несчастная Юлия изливала печаль опустевшей души. Дамы плакали.

Маленькая принцесса тоже несколько раз поднесла шелковый платочек к глазам. Какое счастье, что в мире есть женщины! Без их трогательного участия он обратился бы в ледяной хаос, где все слова грубы, а все движения сердца прагматичны!

Когда чтение закончилось, и размягченные описанием чужой скорби слушатели потянулись к выходу, полковник нарочно пошел благодарить лектрису за доставленное удовольствие и, поровнявшись с Яной, уронил записку на ковер у ее ног.

Смущенная графиня немедленно закрыла белый клочок бумаги краем платья. И, когда, как ей казалось, никто не видел, поспешно подняла цидулку. Сжав послание в кулаке, прекрасная дама поспешила к выходу. Стараясь не торопиться и со всеми раскланиваясь. Она не видела, как предательски пылают ее щеки. Между тем остальные как раз примечали и были крайне довольны сделанными выводами. Бенкендорф добился того, что за ним с Анной всегда следовал десяток любопытных глаз, что уничтожало необходимость после победы трубить о ней.

Яна миновала кабинет, еще пару комнат, балюстраду, но не пошла к себе, где горничные могли стать свидетельницами ее замешательства. А вышла на крыльцо. Следовало углубиться в сад. Но ее разобрало любопытство, и она почти рывком развернула записку. «Жестокая», – гласил текст.

Улыбка расцвела на лице молодой графини. Она изорвала послание, положила клочки на ладонь и дунула на них, посылая к вечернему небу.

«Жестокая»! Он страдает!

Белые комочки попадали к ее башмачкам, и, попирая их, она отправилась домой. Писать ответ.

Можно было побиться об заклад, что сегодня графиня не заснет. А вот сможет ли взяться за перо? И решится ли передать? Другой вопрос. От этого зависело дальнейшее поведение кавалера. Или перейти к стихам. Или...

Яна не решилась. В самый неподходящий момент к ней постучалась кастелянша и прочла возвышенную проповедь о семейных добродетелях.

– Только когда Господь освободит вас от обязанностей супруги и матери, – сказала тетушка, – которыми вы более должны себе самой, чем людям, только тогда вы сможете считать себя свободной...

Ей, вдове, легко говорить!

Но полковник, не получив письма, сделал единственно возможный шаг. Жестокосердная дама должна была взревновать. И предмет был избран правильно – единственная женщина, которой Анна могла позавидовать.

В Белостоке нашло прибежище целое семейство французских эмигрантов – герцогов Бассомпьер. Глава, мужчина лет пятидесяти. Его двадцатилетняя жена. Их дети – Пьер и Лизетта – с бабушкой, непонятно по чьей линии. Оба супруга почтительно именовали ее «матушка», а та с не меньшим энтузиазмом отчитывала зятя, чем дочь, или сына, чем невестку. Молодая герцогиня не имела имени, все называли ее: «Ваша светлость». Это была миловидная кобылка, славившаяся среди обитателей замка великосветскими манерами.

Что-то в этих манерах смущало Бенкендорфа. Его с детства учили, что простота не роняет достоинства, а вот от чванства за версту несет выскочкой. На его взгляд, образчиком истинного аристократизма была все-таки кастелянша.

– Что ты о них думаешь? – спросил как-то Толстой. – Эти принцы в изгнании всегда смахивают на авантюристов.

Сам граф полжизни провел в полку и был простоват. К тому же москвич. Мнение воспитанника вдовствующей императрицы его очень интересовало.

– Нахлебники, – отрезал Бенкендорф. – Выдают себя не за тех.

– Кастелянша тоже так думает, – кивнул Толстой.

– Тогда почему же она их держит?

– Из деликатности. Надеется, что ее благодеяния разбудят в них совесть.

– Вы ее предупредите, что оберут.

– Да я сказал, – махнул рукой граф. – Она на меня взглянула как на вахлака.

Именно герцогиня Бассомпьер стала предметом короткого и успешного натиска Бенкендорфа. Она имела перед Анной то ничем не исправимое преимущество, что родилась в Париже. Или делала вид, что родилась. Этот экзотический цветок страдал даже от прикосновения грубого воздуха севера. Но самое ужасное – ей постоянно терло белье, вонявшее польским мылом.

Однажды Яна не выдержала и, напустив на себя наивный детский вид, осведомилась, чем гостье так не нравится запах мыла.

– Ничем, – Бенкендорф успел ответить прежде, чем герцогиня скорчила страдальческую мину. – Просто в Париже белье не стирают. Его поливают духами, а когда пот уже ничем нельзя перебить, выбрасывают.

Яна воззрилась на полковника в ужасе.

– Мы экономнее, – постаралась сгладить ситуацию кастелянша. – Да и где кружева напасть?

– Надобно жить в Версале, чтобы понять всю абсурдность ваших суждений, – надулась Бассомпьерша.

– Но сейчас вы живете здесь, моя дорогая, – Бенкендорф уже говорил с ней на правах интимного друга. С нежным упреком и какой-то необъяснимой для третьего лишнего короткостью.

Самое удивительное, что герцогиня заткнулась. Две ночные прогулки среди фальшивых руин в саду, и какое облегчение!

Полковник не боялся, что разъяренный супруг вызовет его на дуэль. Не те люди. Замнут между собой. Да и полно, герцог ли он? Муж ли этой женщине?

Когда при свете луны Александр Христофорович весьма ловко завалил спутницу на мраморную скамейку, она показала невиданные для приличной дамы мастерство и проворство.

Оба остались довольны. На следующий день полковник прислал ее светлости жемчужную брошь, которую та не постеснялась принять и даже надеть на следующий бал. Ну что тут скажешь? Воспитание.

Однако Яна страдала. Его маленькая принцесса чувствовала свою грубость и вульгарность рядом с утонченной побирушкой. А видя, как красиво пара ее вчерашнего рыцаря и более сговорчивой герцогини кружит по залу, готова была кусать локти: «Он мой! Ведь он мне написал: жестокая!»

Надо было отвечать. Теперь ее несостоявшийся кавалер вовсю ухаживал за наглой Бассомпьершей: приносил ей воду, приглашал на мазурку и держал себя не робко, как с Яной, а нежно и покровительственно.

Потоцкая попыталась сама кокетничать. Но было не с кем. Ее муж находился в Варшаве и не проявлял к жене особого интереса. Французы ушли. А любому русскому из дипломатической миссии Толстого Бенкендорф давал фору.

«Смирись, – как будто говорил он. – Я – лучшее из возможного».

\* \* \*

«Я забыла, и в этом была моя главная вина, что у молодой женщины не может быть другого близкого человека кроме мужа. Но в таком случае почему же мой муж не заставлял меня об этом вспомнить?».

*Анна Потоцкая*

Тем не менее гордость дамы не должна была пострадать. Она придет, сложив к его ногам оружие. Но внешне все должно выглядеть так, будто кавалер сам изгладил вину и добился прощения.

Полковник переписал из Расина возвышенные стихи, чтобы послать их непреклонной богине. А сам устроил в небольшом поместье поблизости от Белостока бал в честь хозяев. Дело оставалось за малым – добиться согласия Анны почтить своим присутствием скромный деревенский праздник. И тут на Шурку снизошло озарение: он решил действовать через молоденькую лектрису, тоже француженку, но добрую и без спеси. Яна удостаивала эту девушку дружбы.

Небольшая сумма и самые уважительные, самые благонамеренные уговоры. Мадемуазель Дюшен взялась исполнить поручение и привезла-таки маленькую принцессу на бал, предварительно поклявшись, что Бассомпьеров не будет, что верный рыцарь раскаивается в своих заблуждениях, что он не может более противостоять собственному сердцу...

Анна приехала и не была разочарована. Она стала царицей. От нее не отходили. Любое, самое вздорное желание исполнялось неукоснительно и в мгновение ока. Казалось, попроси она звезду с неба, и Бенкендорф принес бы в горсти!

Наконец, чтобы вознаградить его покорность, принцесса согласилась на прогулку после танцев. Разумеется, втроем. Лектриса шла сзади, стараясь даже шелестом гравия на дорожке не напоминать о своем существовании.

Потом была чудная ночная поездка, когда рыцарь верхом сопровождал их открытую карету-гондолу до самого Белостока. И все не мог глаз отвести от матово белевшей в темноте руки, покоившейся на кожаной подушке кресла.

– Смотрите на дорогу! – дразнила его Яна. – У нас встречаются рытвины. Можно вылететь из седла!

Ему, кавалеристу, вылететь из седла? Не смешите!

В эту ночь все решилось. Он любил ее нежно и страстно. Она оказалась не готова. Муж не научил графиню и половине нужного. Но Бенкендорф не жалел. Его любовница обратила неопытность в достоинство и тем еще больше разожгла пыл.

Утром Яна плакала. Не слезами раскаяния, а от полноты охватившей жизни.

– Вы погубили мою репутацию! – в ее голосе было больше кокетства, чем упрека.

– Только потому, что вы сами никак не могли на это решиться.

Она засмеялась.

– Но мой муж...

Дальнейшее его не интересовало.

– Мужья сами бывают во всем виноваты. Нельзя же думать, будто церковное благословение дает им право на лень.

Графиня грациозно повернулась к любовнику и провела пальцем по его усам.

– Знаешь, мне повезло. Мог бы попасться старик, урод. Наша судьба не в пример лучше, чем у других. Потоцкий красив, добр, но...

«Скучен», – мысленно подсказал Шурка.

– ...мне всегда хотелось большего. В юности я вколотила себе в голову, будто страстная любовь сделает нас счастливыми. Будто я должна соблазнить мужа.

«Неплохая идея! Всем бы дамам такое прозрение!»

– Мне было пятнадцать. Что я могла? Позвала его гулять при луне у пруда. Он сказал, что там комары.

Бенкендорф рассмеялся. Знакомая картина!

– Хотела заставить ревновать и написала сама себе пылкое письмо с признаниями, как бы от воздыхателя. Мою тайну раскрыли и очень строго выбрали. Думаю, этой выходкой я погубила себя в его глазах.

Александр Христофорович взъерошил ей волосы. Есть на свете дураки! Если бы ему попала такая большеберотая глазастая девочка, способная в пятнадцать лет написать себе любовное послание, чтобы возбудить мужа, он бы не стал ее ругать. Страстность в просыпающейся женщине – не худшее качество.

– Теперь вы умеете больше, – мягко сказал полковник. – И я знаю, гораздо увереннее в своей красоте. Поезжайте в Варшаву и, пока не поздно, уложите мужа у своих ног. Он будет вам благодарен.

Яна испытующе посмотрела любовнику в глаза.

– Поезжайте? Через границу? Неужели вы думаете, что я осталась бы здесь? Ведь там не только муж. С ним двое моих детей.

Проклятая война!

– Я достану вам разрешение. Ведь у вас земли и в герцогстве Варшавском.

– Вы сделаете это для меня? – она взвизгнула от радости и обняла его уже без кокетства.

– Конечно, сделаю, любовь моя. Нет ничего, что я не хотел бы для вас сделать. Исключая шпионаж и восстановление Польши.

Она чмокнула его в нос.

Бумага была подписана Толстым и еще кое-какими русскими властями.

– Я буду вас помнить.

– Выбросите из головы на первом же повороте.

Они расстались без взаимных подарков, но с самыми теплыми чувствами.

Вскоре и дипломатическая миссия Толстого должна была отправиться в путь. Граф велел Бенкендорфу ехать в его карете. Кастелянша под самый верх загрузила экипаж пирогами, холстом для рубашек и пресловутым польским мылом.

Некоторое время отец-командир молчал, погруженный в приятные воспоминания. Потом посчитал, что настало время распечь подчиненного.

– Ну и что мы теперь будем делать? Ваша слава побежит перед нами в Париж?

– Какая слава? – невинным голосом отозвался Бенкендорф.

– Не выкручивайтесь. Вы соблазнили не прачку. Внучатая племянница короля! Да знаете ли вы... Знаете ли, что ее сватали за герцога Беррийского, последнего Бурбона? Что за ней ухаживал сам Мюрат, и она ему отказала? Что Бонапарт в Варшаве каждый вечер приглашал ее за карточную игру в числе очень узкого круга августейших лиц...

Конечно, знает.

– Вам мила слава русского Казанова? – не унимался Толстой. – Зачем нам Казанова в Париже?

«Сведения», – вздохнул Бенкендорф.

– Вы меня совершенно разочаровали, Александр Христофорович, – заключил граф. – Я всегда считал вас положительным и достойным доверия молодым человеком. Пылким, но положительным. И ее величество императрица-мать явно будет недовольна.

«Вот что его беспокоит!»

– Вы можете быть абсолютно обнадежены на сей счет, – вслух произнес Бенкендорф. – Вам известно, что у меня есть ряд поручений от его величества, свойство которых я не имею права разглашать. Для их исполнения я просто обязан приехать в Париж так, чтобы еще до нашего появления в Мальмезоне рассказывали басни о внучатой племяннице польского короля, отвергшей Мюрата и не отказавшей скромному полковнику.

Толстой надулся. Для него было оскорбительно, что кто-то из подчиненных имеет миссию, секретную для главы посольства. Но Петр Александрович недаром слыл человеком добрым и простым. Он крякнул, хлопнул Шурку по колену и устался в окно, вновь переживая прощание с кастеляншей.



### Глава 3. Маленькие радости

*«Желанием честей размучен, Вперед я слышу славы шум».*  
**Г. Р. Державин**

*Сентябрь 1807 г. Герцогство Варшавское.*

Какая честь тащиться после поражения в Париж? Какая слава?

В начале похода они видели себя победителями. Не допускали и мысли о разгроме. Принимали от дам поручения к французским модисткам. Обещали привезти Бонапарта в клетке. Не как зверя. Как канарейку!

Пели: «Вспомним Матушку-царицу...» Вспомнили! Мордой в грязь.

Старички могли теперь хихикать. Им, увитым лаврами екатерининских побед, все было ясно: не корсиканец силен, молодые пошли – дрянь. Весь рассвет нового века болтали о чести, правах и личной свободе. Не почитали монарха. Тем более монархиню. Великую государыню! Перед которой в Европах дрожал каждый лист!

Ставили ей в вину амурные похождения. О, конечно, теперь каждый помешан на целомудрии жен! Как раньше, в век Вольтера, были помешаны на мудрости. Посмотрим мы на ваших жен, как француз придет! Наших, по крайности, ни турок, ни швед, ни поляк тронуть не могли. Не то, что жен наших отцов. Мы – золотое поколение!

Так говорили они, качая уже не напудренными, а седыми головами и вспоминая, как гордо эти самые подагрические ноги попирали камни бастioned Ени-Кале и Кинбурна. Как легла под копыта коней Варшава. Как трусил ввязаться в драку северный сосед, а когда отважился – полетели клочки по закоулочкам.

Было время! Теперь не то. Все из-за сопляков, засранцев, молокососов! Не умеешь, не воюй. Где-то теперь наши шпаги?

Приходилось терпеть и отмалчиваться. Но злость продолжала кипеть и на чужих, и на своих. Зачем они так сильны? Зачем мы так самодовольны?

Посольство ехало уже по землям герцогства Варшавского и досыта нахлебалось польских дерзостей. Лошадей на станциях, и тех пытались не дать – в разгонах! Перед вами что фельд-егерь?

Двух зрителей Толстой приказал высечь. Одного, особо наглого, повесить. А конную тягу стали забирать еще до станций, в ближайших деревнях. Просто окружали табун, мирно щипавший траву в ночном, и уводили к себе. Утром выбирали каурук покрепче, остальных отпускали на радость хозяевам. И вся недолга.

Кто придумал? Александр Христофорович не считал нужным церемониться с теми, кто доброго обращения не понимает.

Ему понравилось, как немцы управились с этими землями после раздела. Дороги не разваливаются, деревянных домов нет – все камень. Он нарочно расспросил и был удивлен попечительностью прусского короля. С виду тюфяк тюфяком. Но оказалось... Кассы взаимопомощи, казенные деньги на строительство крестьянских усадеб, правильный севооборот. Живи-радуйся. Но чужие благодеяния вставали у поляков костью в горле. Страна казалась ладно скроенной, но некрепко сшитой. Было заметно, что она уже расползается под пальцами. Дырявые руки. Бездонные карманы. У проезжающих вымогали деньги – просто чтобы чиновник отвязался. Знакомое домашнее бедствие! Шурка этого терпеть не мог и в душе ворчал, что разумному королю за свое же хорошее надавали по рукам!

На пару дней посольство остановилось в Лазанках. Бывший замок последнего короля. Славу здешних мест составляли бани. Вот где жизнь протекала легко и счастливо! Ни дерева,

ни веников. Чугунные ванны на ножках, выстланные чистыми холстами. Резервуары с кипятком. Краны подают воду прямо из Вислы. В каждом покое полотенца, мыло, гребенка...

Европа.

Полковник особенно остро почувствовал это, когда опустил свои затекшие от сидения в карете чресла в парную воду и, зажмурив глаза, погрузился с головой. Вынырнул он уже другим человеком. А хорошо вот так жить, ни о чем не печалась! Гладить полотенца, греть воду. И всякое лихо пропускать мимо себя, чисто вымытым. Благодарным.

В Лазанках его нашла Яна. Не в банях, конечно. Во дворце. Полковник занимал небольшой угловой кабинет с китайскими картинками на стенах. Вечером он разбирал почту. Свеча ярко отражалась в лаковых панелях, создавая целую цепь других, расплывчатых комнат, где сгорбленный над столом офицер шуршал бумагами.

Внезапно постучали. Полковник решил, что вернулся денщик. Своим нынешним Александр Христофорович был недоволен – пьет и плохо следит за платьем. Только собирался встать и выбрать мерзавца, как двери распахнулись.

На пороге – длинный плащ с капюшоном. «Досточтимый призрак, приношу нижайшие извинения за то, что осмелился потревожить избранные вами покои. Мое пребывание здесь временно. Уже завтра мы уедем...»

Хохот был ответом. Тонкие, обнаженные до локтей руки откинули капюшон, и уже в следующую секунду маленькая принцесса переступила порог. Схватила любовника за плечи. Приблизила румяное смеющееся лицо к его удивленной физиономии.

– Я из Варшавы. Я не могла не приехать. Скоро вы пересечете границу, и Бог знает, когда еще...

Он наклонился и закрыл ей рот поцелуем. Даже отвечая, губы Яны продолжали смеяться. А язык забавно скользил по его зубам. «Выше или ниже, девочка, кость бесчувственна!» Он сам поймал кончик ее языка и втянул в себя, как глотают воздух из сдуваемого мяча.

«Яна, ты ничему не учишься! Где твой муж?»

Но пани, очевидно, было не до мужа. Не до всех. Она взвизгнула от удовольствия, расстегнула плащ и подпрыгнула, обвив его вокруг бедер ногами. Шурка понял, что соскучился, что Яне пришла в голову хорошая мысль повидаться напоследок, что...

Ее руки уже стягивали с него рубашку. А его рыскали по холмам Эдема в поисках запретных наслаждений. Но графиня не могла долго висеть. Поэтому Бенкендорфу пришлось оставить сады Гесперид с их золотыми яблоками и подхватить ее под зад.

Новое удовольствие – мять подушки и воображать, будто твоя возлюбленная из пуха. Но у Яны все было маленькое. Ягодицы – кулачки. Груды – фигушки. Ее мускулистая плоть открылась навстречу ему, как открываются ладони, только что поймавшие бабочку. И снова схлопнулась.

Раз, два, три!

«Мадам, вы меня измучили. Я путешественник, уставший с дороги». – «И принявший ванну».

Четыре, пять... тридцать.

Он спекся. Но дама была не в обиде. Кажется, муж держал ее на голодном пайке. Дорого бы Шурка дал, чтобы посмотреть на этого остолопа! Скоро тот начнет замечать, что жена сыта? Перестала следить за ним требовательным взглядом? Ведет себя с подозрительным дружелюбием? Сколько мужчине нужно времени, чтобы обеспокоиться?

– Мой супруг в столице, – Яна сидела на столе, разметаив ладонями его неоконченные письма. – Если тебе, конечно, интересно.

Александр Христофорович кивнул. Выслушать даму после удовольствий – почетная обязанность любовника. Только англичане засыпают сразу. Мужланы! Если женщина довольна,

беспечно пожалуется на мужа: мол ты не такой. Если ей не понравилось, будет обескураженно молчать и ерзать.

У него не молчали! Шурка рассматривал их болтовню как налог на любовь. Одна польская швея рассказывала, как кроить рубашки по новой парижской моде. Заодно узнал, что воротничок-парус нужно перетягивать только черным галстуком, остальные цвета давно преданы анафеме.

– Он догадывается?

– Он меня не видит.

«Скоро увидит. Мы все собственники. А когда у тебя воруют...»

– Я подбиваю его ехать в Париж. Но он терпеть не может Наполеона.

«У нас много общего».

– Не признает гения! Не восхищается! Уже и его родные, и моя тетя там...

– Скажи, что поедешь сама.

– Но он не отпустит.

– Тебе нужно разрешение?

Бенкендорф посмеивался, помогая любовнице шнуровать корсет и оправлять юбку.

– Я просто боюсь, что он не поспешит вслед, – честно призналась маленькая принцесса. – Останется в Варшаве. Ведь он всем доволен.

– Есть повод проверить, – полковник подобрал плащ красавицы и накинул ей на плечи. – В Париже буду я.

«Любопытно, как встретимся? Станет ли она гоняться за мной? Или делать вид, что не замечает? Избегать? Зависит от мужа».

– Я еще немного помучу его в Варшаве, а потом поеду, – храбро заявила Яна. – Даст Бог, увидимся.

Нет, он совсем не хотел встречаться с графиней Потоцкой ни в Мальмезоне, ни в Фонтенбло. Там другие дела. А старая связь накладывает обязательства. Хотя бы дружеские.

– Что тебе во мне? – прямо спросил Шурка.

Яна запрокинула голову, тряхнув темно-каштановыми кудрями.

– Ты подарил мне меня.

Такого ему еще не говорили.

– Будем считать, что твой долг оплачен, – Бенкендорф наклонился и коснулся губами кончика ее носа. Холодный. Почему?

– Я никогда не стану тебе мешать, – с печалью отозвалась Яна. – Женщины привязчивы. В этом наша слабость. Но ты ведь и расстанешься, никого не обидев.

Дверь за ней закрылась. Продолжать письма Александр Христофорович не стал. Что толку? В голову лезла одна принцесса. Почему в конце всегда грустно? Даже если отпускают легко?

На следующий день уже все знали о ночном визите. Полковнику желчно завидовали. Графиня была лакомым куском, и то, что она продолжала связь, только еще выше поднимало Шурку в глазах товарищей. Как и его теперешнее молчание – знак высшего благородства.

\* \* \*

«Может, и нам попробовать переписываться по-русски?»

*М. С. Воронцов*

Дальше шла Пруссия. Посольство добилося права следовать через Мемель, где намеревалось увидеть королевских величеств. Бенкендорфа бесило поведение немцев, их услужливость и покорность перед новыми хозяевами. Не хотелось вспоминать о своем родстве. Даже

язык казался опоганенным. Хотя в обычной жизни он любил говорить по-немецки, и делал это не с северной рубящей интонацией, а мягко, вставляя, как научился в детстве, на юге, в Байроуте. На таком языке пели миннезингеры, на нем шептали нежные речи, а не только отдавали лязгающие команды. И вот, представьте себе, какие-то почтительные бюргеры его любимым языком вылизывали задницу оккупантам!

Пробовал по-французски. Выходило еще хуже. Себя от врага не отличишь: думаешь, как он, одеваешься, ешь, любишь... Непонятно только, почему дерешься хуже?

С горя Бенкендорф пытался перейти на итальянский. Но его знал плохо, только для музыки. И окружающие не понимали.

Говорить же по-русски в голову не приходило. Язык для солдат и прислуги. Впрочем, во времена Фридриха Великого таким же был немецкий. Потом разохотились, стали писать стихи, философствовать...

– Петр Александрович, вы по-русски хорошо знаете?

– Я же москвич, – удивился Толстой.

– Попробовать, что ли? Из патриотических соображений.

Граф смерил полковника недоверчивым взглядом:

– Час продержитесь?

Шурка был азартен. Поставил свое казачье седло, новое, с чепраком. Командир ответил парой дуэльных пистолетов. Ударили по рукам.

Сорок минут. И то потому, что Толстой не касался ни книг, ни политики. Стоило вильнуть к барышням, и Бенкендорфа пробило на «parlez français». Он просто не понимал, как можно обсуждать женщин на русском. Выходило грубо и зримо, хотя душевно. Один грех. Голый, как яйцо.

Но Толстой остался доволен.

– Бегло, бегло, – похвалил он. – Пожалуй, чепрак возьму, а седло ваше. И вот что, батюшка, я, грешным делом, акаю. Так вы с меня пример не берите.

Легко сказать. В полку кто акал, кто окал, кто гекал, а кто и вовсе пересыпал речь местными словечками вроде «злобышек» или «дюденя». Понимать своих Шурка, худо-бедно, научился и даже матом орать на денщика. Но нельзя же матом думать!

До Мемеля оставалось часа три пути. Следовало отдохнуть и почиститься. А завтра уже в пристойном виде хоть на аудиенцию. Но, едва Бенкендорф вечером затеплил свечу, намереваясь требовать у окаянного изверга горячей воды, как денщик, шмыгая носом, доложил:

– К вашей милости дама.

«Вот черт!» – подумал Шурка, уже вообразив очередное явление графини Потоцкой. Банный лист сейчас был бы желаннее!

Посольство оккупировало трактир с номерами и пару прилежащих домов. Полковник предусмотрительно избрал второй этаж над вывеской цирюльника. У последнего всегда имела горячая вода. Две хорошенькие дочки – по замашкам настоящие барышни – исправно носили ее наверх постояльцу, за что получали по монетке. Бенкендорф уже наладился трепать их то за румяную щечку, то за белое ушко, воображая баталию втроем. И на тебе! «Сударыня, вы очень некстати!»

– Мне всегда нравилось наблюдать твое разочарованное лицо, братец!

Женщина под вуалью откровенно хохотала. Да и ростом она была не чета Яне – почти с него.

– Долли! – Александр Христофорович раскрыл объятия.

Дама шагнула через порог и сама заключила брата в кольцо тяжелых, больших рук. Их чмокание, взаимное толкание и шлепки больше напоминали возню детей на ковре, чем поведение взрослых, приличных с виду людей.

– Я к тебе по делу.

Кто бы сомневался! Без дела Долли не ездит. Не спит, не пьет, не кокетничает и не вспоминает о родных. Хотя с Александром из всей семьи ее связывали самые теплые, самые доверительные отношения.

Полковник помог сестре разоблачиться. Плащ и хлыст для верховой езды полетели на кровать. Перчатки легли на стол. Смачно, будто припечатали сургуч.

Они не виделись года два.

– Какая ты стала...

Бенкендорф не нашел слов, чтобы описать преобразование долговязой девочки в гранд-даму. Двое детей, муж-дипломат, и вот уже она не Долли-достань-воробышка, а графиня Ливен, жена посла в Берлине. Конечно, брат знал о назначении в Пруссию и даже поздравлял, но не думал, что родственники доберутся так скоро. В Белостоке время для него остановилось.

– Муж не знает, что я здесь. Не надо ему говорить. – Долли, как всегда, отрубала одну фразу от другой, опасаясь, что окружающие глупы и поймут только вразбивку. – Христофор Андреевич исполняет обязанности с большим достоинством. Но мне, – госпожа Ливен испытующе глянула на брата, – кажется, что наши донесения перехватывают французские агенты.

– Что немудрено, – показал осведомленность тот.

– Слушай, – повелительно оборвала его Долли. – Поэтому я решила воспользоваться вашим каналом передачи писем. Ведь вы посылаете отчеты напрямую? Со своими курьерами?

– Да, – кивнул Бенкендорф.

– Вы только начали путь к Парижу. Если среди ваших чиновников и есть жучок, он пока себя не раскрыл, – деловито рассуждала госпожа посланница. – Ах, Александр, все это для меня так ново, так кружит голову!

О да! Девочка выросла и поступила на службу.

– А ты подумала...

– Подумала. Другие донесения пойдут своим чередом. От мужа. Пусть их и вскрывают. А настоящие – через вас. Не могла же я упустить такой возможности!

Она вся пылала азартом.

– И кто учил тебя шифровать? – с недоверием осведомился брат.

– Папа, – невинным голосом отозвалась Долли. – Спроси на досуге, чем они с матушкой занимались в Баварии.

Бенкендорф ошарашенно уставился на сестру.

– Но вдовствующая императрица сказала мне, что это была опала.

– Право на возвращение надо заслужить, – госпожа посланница явно не видела противоречия. – Да или нет? Ты обеспечишь доставку?

Как будто у него был выбор!

Шурка забрал у сестры все привезенные конверты. Лицо молодой женщины оставалось сосредоточенным.

– Как ты нашла Берлин?

– Скука. Кавалеры любезны только после обеда. Светских развлечений нет. Король принимает нас холодно, ему так велели французы. При этом он делает тридцать верст верхом до моря, чтобы увидеть русских матросов, перегоняющих суда по Балтике в Кронштадт. Его сын одевается казаком и повсюду ходит в этом фантастическом наряде...

– А королева? – голос полковника звучал с наигранным равнодушием.

– Что тебе хотелось бы знать?

«Все, черт возьми!»

Долли испытующе посмотрела на брата.

– Ее величество не выходит. Вообще. Никогда. Верительные грамоты у нас принял Фридрих Вильгельм. И вел себя крайне неловко. Просто не знал, о чем говорить. Похоже, он был уверен ее уверенностью и тверд ее твердостью. А теперь, когда прежней опоры нет...

– Она больна?

– Говорят, что так. Болезнь – лучший из предлогов. Тем более что Луиза опять беременна.

– Успел-таки! – разозлился Бенкендорф. – И чьим считают этого ребенка?

– Шутишь? – удивилась сестра. – Добродетель ее величества никто не ставит под сомнение. Тем более после того, что случилось в Тильзите.

– А что там еще стряслось? – огрызнулся брат.

– Он отверг ее, – сценическим шепотом заявила Долли. – Бонапарт – Луизу. Ради Валевской. Так все говорят.

Нужна ему Валевская! Но повод отличный. Так унижить гордую пруссачку! Так втоптать ее в грязь!

– Перед глазами всей Европы корсиканец показал, что королевой можно пренебречь, как обозной шлюхой, – произнесла Долли, явно повторяя чьи-то нелестные слова. – Вот она и не выходит. Ей стыдно. Стоит появиться, как все мгновенно вспоминают Тильзит...

Бенкендорф взялся рукой за горло.

– Она, бедняжка, как на кресте!

– Хватит, – брат стоял к Долли спиной, потому что боялся показать лицо.

– Она зовет тебя. Я ради этого и приехала.

Лучше ему было не оборачиваться.

– Она тебе сказала?

– Не прямо, – уклонилась Долли. – Но достаточно ясно, чтобы за тобой отправиться. Умоляю, Александр! Она больше не знает, кто такая...

Можно было продолжать и бубнить всю дорогу. Бенкендорф уже одевался. Лил на голову одеколон. Искал новую рубашку. Ненавидел не вычищенные денщиком сапоги: «Выгоню! Ей-богу, выгоню!»

Кому приказать седлать лошадь? Ехать надо тайно.

– У меня две, – Долли была великолепна. – Бумаги для следования в город со мной. Ты только держись сзади.

Где-то ему это уже говорили!

\* \* \*

«В Мемеле мы были приняты королем и королевой, которые в этом последнем уголке своего королевства грустно ожидали, когда дорога в их столицу, заполненная французскими войсками, будет открыта».

*А. Х. Бенкендорф*

Сумерки давно превратились в ночь. За стеной невысоких крепких сосен ветер не пробирал, но, чуть только дорога выходила к морю, начинала петлять между дюнами, всадников буквально пригибало к гривам скакунов. Очень страшно мчаться по утрамбованному волной песку и не видеть выброшенных на берег темных бревен или обломков бочек, о которые лошадь запросто сломает ногу. Тогда, о, тогда он уже не увидит Луизу так, как должен увидеть. И будет завтра на аудиенции заверять в своей безграничной почтительности...

Верховые снова свернули в лес и поскакали по освещенной лунной просеке. Слева и справа пролегал безграничный черничник, стрекотавший на ветру пожухлыми листьями.

Городок спал. Бедный прусский флот, по договору отданный победителям, все еще дремал на рейде, но уже собирался отплывать во Францию. Корабли этот человек забирал, а Луизу взять гнушался!

У заставы Долли выехала вперед и предъявила документы. Судя по увесистому мешочку, опущенному в руку часового, деньги имели большее значение, чем законность пропуска в ночное время.

Как только очутились за стенами, сестра снова пришпорила лошадь, и они понеслись по улице, высекая искры из мостовой. Ближе к замку Долли поумерила пыл, придержала коня и поехала шагом. За ними во всех окнах зажигался огонь, будто одну свечу проносили за декорацией и показывали в чередке стекол.

Замок безмолвствовал. Но и здесь госпожа посланница знала дорогу. Сначала по темному парку мимо плоских, как стол, газонов, не способных укрыть даже фиалку. В тени шпалерных кустов, до оранжереи, птичника, зимнего сада, где пальмы подвязаны к потолку веревками.

Потом вдоль стен, за северный фасад, длинное крыло с колоннадой, минуя помпезные ступени со львами и подъезды для добрых людей. Когда-то Шурка был здесь гостем. Теперь крался как вор!

Если в цокольном этаже есть дверка, значит, у Долли найдется ключ. Бенкендорф видел в темноте, как щеки сестры пылают лихорадочным румянцем. Ей нравилось! Она переживала чужое приключение как свое. Брат подумал, что будет, когда подобные вещи госпожа посланница начнет проделывать ради себя?

Замок щелкнул. Горячая ладонь сжала его руку.

– Не смей волноваться! Ты потеешь!

Мало ему конского запаха, еще и свой. Как в манеже!

Их обоих учили математике и черчению. Долли хватило одного путешествия по коридорам, чтобы снять мысленный план. Теперь она скользила, держа ладонь брата и неприязненно передергивая плечом. Пальцы Шурки были влажными.

– Ты трусишь?

Как объяснить, что он в столбняке от мысли опять увидеть королеву Луизу?

– Будешь мямлить, считай, что я тебя презираю, – Долли буквально впихнула Александра Христофоровича в нужную дверь.

Паче чаяния, на пороге не спала любимая горничная. Возле створок на стульях не почивали камер-фрау. Всех выслали. Ради него?

Полутемная комната была озарена свечами на столе. Королева читала, откинувшись в глубоком кресле. Вернее, лежала с книгой в руках. Ее опущенные веки дрожали. Во мраке не было видно, что они воспалены, что кожа на щеках стала рыхлой от слез. Что лицо дурного, серого оттенка.

– Я молилась... – вслух произнесла Луиза, точно знала, что он вошел.

– Простите, мадам, – полковник спиной ощутил пустоту, в которую пытался.

– ...за ваш приезд, – голос у королевы был по-прежнему тверд. – Ваша сестра – незаменимый друг. Я многим ей обязана.

Александр Христофорович застыл. Его ждали. О нем просили Бога. На него надеялись. Ну и как он теперь должен поступить?

Королева встала. Что-то в ее фигуре показалось странным. Она выглядела суше и ниже, чем была. Горбилась, сжималась всем телом. Если бы можно было развернуть спину, как еж! Закрыться от удара!

Луиза потеряла право ходить прямо. Не могла смотреть другим в глаза. Даже теперь, когда он шагнул к ней – а, плевать на всех! – спрятала голову у него на груди и никак не желала поднять лицо вверх.

Бенкендорф почти заставил ее сделать это.

– У меня нет сил, – прошептала Луиза. Ее губы были шершавыми, обкусанными и запекшимися в корочках новой кожи. – Больно видеть свет. И больно, когда видят меня.

Он еще стеснялся своего запаха! Она воняла, как коза!

Александр Христофорович знал, что делать и как делать. Схватить утопающего за волосы и рывком потянуть к солнцу.

Если бы его спросили об этой ночи, он вспомнил бы, как целовал ее от макушки до пальцев ног, а она непрерывно беззвучно рыдала. Боялась стащить рубашку, точно пряталась в этом мешке. Закрывалась руками от его губ. А он любил ее всю, каждую пядь, каждый волосок. Наконец она сдалась, перестала плакать, прислушалась к себе и вдруг закричала. Громко и судорожно.

Ее била дрожь. Шурка не сразу понял, что это дрожь наслаждения. Не сразу продолжил. Располосовал простыню и накрепко связал королеве руки.

– Что вы делаете?

– Доверьтесь мне. Я не причиню вам зла.

Кажется, ей было все равно. Никогда ничего подобного Луиза не могла себе позволить. И вдруг от нее все перестало зависеть. Осталась одна душа. Он служил ей, кожей ощущая малейшую потребность. Возлюбленная ничего не могла ему дать. Только забирала. Она хрипела и стонала, выгибаясь и стараясь сбросить путы. И вдруг опять закричала от захлестнувших ее болезненно разнообразных, противоположных друг другу чувств.

Только после этого Бенкендорф осторожно развязал полоски ткани и покрыл поцелуями ее покрасневшие запястья. Луиза перестала биться.

– Как... вы посмели?

– Нужно же было вывезти вас из Тильзита.

Он уехал опустошенный и несчастный, оставив ее полной, как чаша. В эту ночь Луиза выкричала свою боль, унижение, слабость...

Утром она попросила есть и умыться, чего служанки не слышали уже несколько дней. А после завтрака вышла в сад. Детям было сказано, что мама отныне снова станет гулять с ними. Фридрих Вильгельм был тронут до слез воскресением жены.

И только русское посольство, прибывшее к обеду, не удостоилось чести лицезреть королеву. Говорили, что та еще слаба. Но на деле Луиза просто боялась увидеть ночного гостя.

– Теперь все вернется на круги своя, – с грустью сказала Долли, когда брат вечером сидел в ее с мужем покоях. – Королева не захочет тебя больше видеть.

– Не надо.

Глаза посланницы округлились:

– У тебя совсем нет амбиций?

– У меня их горы, – рассмеялся Александр Христофорович. – И все неудовлетворенные. Но, если ты хочешь остаться мне другом, ради бога...

Госпожа Ливен сделала обиженное лицо, пробормотала что-то вроде: «Я старалась ради твоей карьеры!» Но обещала молчать.

\* \* \*

«Придаться без всякой причины, вызвать на поединок, с надеждою преградить ему путь и открыть его себе».

*С. Г. Волконский*

Утром посольство двинулось дальше. У прусской границы, до которой теперь куриным шагом были сутки, случилось непредвиденное.

Александр Христофорович отправился поить лошадь. Он гордился своим новым белым жеребцом чистых липицианских кровей. Буквально перед отъездом сестра подвела к нему эту скотину. Как будто от себя, но с такой улыбкой и ужимкой, что слепой бы понял.



– В Петербурге будет больше двухсот рублей стоить, – глубокомысленно изрек Толстой. – Как зовут?

Долли только собиралась прошептать брату, от кого гостинец.

– Луи...

– Что за манера давать животным человеческие имена! – возмутился граф. – Грех большой, Александр Христофорович, что вашего коня Луём зовут. Опять же перед прежней французской династией неудобно.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.